

Константин Рольник

НЕ КОРИЧНЕВЫЙ, НО КРАСНЫЙ

Автобиографическая повесть

Часть вторая

(1991 - 1992)

Вместо предисловия

Эта книга - продолжение моих мемуаров "Детство бунтаря". Те, кто их читал, наверное недоумевали - что уж там такого бунтарского? Почему бунтаря? Какого бунтаря? Будущего, вот какого. Надеюсь, второй том прояснит, что я имел в виду. А третий может прояснить и больше, если успею написать его.

Стиль этой книги отличается от предыдущей. Ведь до 1990 года я был ребенком, подростком - и потому описывал не свои действия, а случавшееся со мной. Когда же писал об идеях, возникавших в голове, то просто фиксировал их по мере появления - без критики, без анализа. Что вижу, о том пою. И видны формальные противоречия. С одной стороны, не нравились мне утомительные пионерские смотры, руководящая роль КПСС, выборы из одного кандидата, политика Сталина. С другой - не любил Ельцина, отрицал капитализм, хотел ограничить многообразие мнений (запретить пропаганду фашизма, например), мечтал о диктатуре интеллигенции, об искусственном отборе, о всеобщем планировании. Даже право людей на брак мечтал ограничить медицинским и образовательным цензом.

Что-то из тогдашних взглядов было юношеским максимализмом, что-то получило дальнейшее развитие и вошло в мировоззрение, от каких-то идей пришлось отказаться, другие упорядочить - а в "Детстве бунтаря" они лишь изложены по мере становления. Отчасти и в этой книге я буду идти за событиями, а не писать: "вот тут ошибался", "это не подтвердилось", "такой-то взгляд был наивен". Хочу передать, как чувствовал тогда, а не сейчас. Но иногда буду анализировать, забегать вперед.

Вообще, с 1991 года восприятие мое стало взрослей, сложней - это отразится на стиле. Больше всего писать буду о политике. Время было такое - если ей люди не занимались, то она занималась людьми. Но я все-таки не беспристрастен (в отличие от Леонида Парфенова с его "Намедни"). И писать буду о том, как сквозь меня события проходили, как мной воспринималось. Это ведь произведение художественное. Если мои взгляды вас раздражают - не читайте. Конечно, пойдет речь и об учебе, о быте. А вот любовной романтики не будет. Моей "личной жизнью" в студенческие годы было служение социализму. Не жалею о том.

Ловлю себя на мысли, что ритмы моей жизни совпадали с ритмами страны. Я был маленьким, меня опекали родители - а народ опекала КПСС. Я был подростком, читал, сравнивал и учился - а в стране началась перестройка, и люди пробудились к спору, чтению, становлению личности. Наступили студенческие годы, пора молодости, активных действий - и пришлось это на бурное время реформ. Такая совпадемость, думаю, полезна для книги. Может быть, мои воспоминания будут для кого-то поучительны и нужны.

НЕ КОРИЧНЕВЫЙ, НО КРАСНЫЙ (1991-1992)

*"Одному бублик, другому дырка от бублика -
это и есть демократическая республика"
Владимир Маяковский*

1991

Заканчивалось мое советское детство. Открывалась другая глава истории - и для меня, и для страны. Предстояло выбрать в ней свою роль. Но сначала надо было развязаться со школой. Я не бросил ее, хотя здание школьное обрушилось, вместо уроков пошла чехарда, а многие одноклассники подались в бандиты и спекулянты. Да и вообще, непонятно стало, зачем все это нужно. Был у нас в жизни смысл - строительство нового мира. И не стало этого смысла. По крайней мере, у многих. Быть может, у них его и не было? Как же так? Ведь нас воспитывали одинаково! И все, на чем росли мы - было оплевано и растоптано пропагандой. Но оставалась тогда еще возможность выбирать. Думать головой, а не телевизором. Такое было время.

Что ж, мировоззрение свое я выбрал, да и профессию будущую тоже. Надо готовиться к поступлению в Нефтяной институт. Там факультетов много. Какой же избрать? Наверное тот, где больше всего моей любимой химии. Странное дело - большинство ребят предпочитало сдавать

процентов - за то, что он говорит правду. Если вошла в моду трансплантация органов и похищение людей для этой цели, то почему бы не допустить и чьих-то экспериментов с гипнозом?

Большинство приходящих были все же нормальными людьми, возмущенными ситуацией в стране. О месте наших собраний они узнавали по контактным телефонам Вожака, которые мы надписывали на газетах и листовках.

Помню, заглянул на наше собрание один древний дед с окладистой белоснежной бородой, делавшей его похожим на Льва Толстого. Этот дед приехал из Приднестровья, где шли военные действия. Там ему довелось пообщаться с генералом Лебедем, командующим 14-ой армией. Дед вынес о нем восторженные впечатления, и с умилением нам об этом рассказывал. Мы слушали с интересом, но восторга деда не разделяли.

В другой раз на собрание заглянул худой высокий парень, с рыжей щетиной. Был он заводским рабочим. В его цехе кто-то из наших разложил листовки РКРП, парень прочел и пришел, но уже "к шапочному разбору". Все расходились, а Вожак был занят торговлей газетами и сбором взносов. Зная, что я смогу связно и толково ознакомить новичка с партийной программой, Вожак небрежно бросил мне: "Займись им, Костя". И мы с этим товарищем вышли из ДК УМПО. Чтобы успеть обо всем побеседовать, решили мы по ночной Первомайской идти пешком километра три, от ДК УМПО к ДК Орджоникидзе. Шел мокрый снег, и тусклый свет фонарей создавал ощущение, будто все вокруг нас - лишь наркотическая галлюцинация, струящаяся сквозь мозг. Но это была не молчаливая, а весьма болтливая галлюцинация. Я рассказал, как РКРП оценивает положение в стране, кто виноват и что с ним делать. По канонам классического марксизма. О реставрации, буржуазии, пролетариате и прочем. Мой собеседник, как выяснилось, оценивал ситуацию несколько иначе.

- Вот ты говоришь, что все беды у нас из-за капитализма. Но ведь на Западе тоже капитализм, а такого безобразия там нет, и зарплату вовремя дают. А у нас на заводе задерживают уже пять месяцев. И знаешь, я думаю что сами власти этому не рады. Их же выкинут, если так дальше пойдет. Но иначе они не могут, потому что идиоты. Все это, в большой степени - ошибки, некомпетентность, неумелость управляющих.

- Извините - вежливо отвечаю я - какая тут неумелость, если у них в зарубежных банках растут миллиарды долларов? Очень ловкая уметость! Просто у них другая цель, и что нам плохо - то хорошо для них. Они о нас не думают. У нас просто разные классовые интересы! И надо нам развернуть классовую борьбу, чтобы свой интерес отстоять. А насчет Запада - мы не знаем, как там живут на самом деле. По телевизору одно вранье. И вообще, большинство стран мира живет как Бангладеш или там Латинская Америка... А нам показывают только про США и Западную Европу. А может, в Африке тоже неграм зарплату не выдают? Есть же колонии, а есть метрополии. И мы сейчас типа колонии. Всегда у нас, может, так будет... Царская Россия тоже хлебом кормила всю Европу, а внутри нее голод был каждые три года. Надо буржуазию вымести поганой метлой... И, конечно, старых ошибок не повторять. Сталин власть захватил, рабочих отстранил от управления. А потом верхушка разложились, обюрократилась - и погиб социализм. Но в следующий раз у нас уже опыта будет больше, и постараемся такого не допустить.

Вот так мы шли и жарко спорили, размахивая руками. А на темной обочине Первомайской вылезшие из иномарки бандиты, уставив пистолет в спину понурого прохожего, снимали с него кожаную куртку на меху. С ближнего столба на происходящее безучастно взирала Мария-Дэви-Христос.

Тут я заметил, что у моего собеседника были выбиты почти все зубы. Торчали одиноко только три оставшихся. Потому и дикция у него была нечеткая. Я спросил, где он потерял зубы. Оказалось, их выбили в армии "деды". Но у этого парня был и другой тяжелый опыт. Когда стало в стране уж вовсе нечего жрать - вынес он с завода какие-то три коробки с трансформаторами, попался, и несколько месяцев отсидел в тюрьме. Потом он часто о своем тюремном опыте рассказывал. Вот так. Украл миллиард - финансист, украл булку - вор. Так назову же его Фантомасом.

А с настоящими преступниками - преступниками мирового масштаба - пришлось нам всем столкнуться лишь в сентябре следующего, девяносто третьего года. Но это уже - конец парламентской демократии в России, и начало совсем другой истории.

зубрил, а пытался держать в памяти ее смысл, те логические узлы, на которых надо остановиться. Таким же образом я готовился и к экзаменам... Помню отчетливо тот осенний вечер, когда по незнакомой улице им. Округа Галле я бежал, боясь опоздать, боясь перепутать адрес, а с черного неба хлестал косой дождь со снегом, и сквозь поток дождевых капель рассеивался мертвенный желтый свет автомобильных фар... Школу эту я нашел, хотя и не сразу. Промокший, озябший, я вошел в теплый уютный холл и поднялся по лестнице. Я был поражен и огромными размерами зала, и тем, что зал был полон. Собрались в нем более трехсот человек, за деревянным желтым столом на подиуме уже сидели Вожак, Савраска и Комбриг, а Работяга продавал газеты "Народная правда" и "Молния", расхаживая меж рядов кресел. К этой торговле я немедленно подключился. И вот собрание началось.

Мое выступление, где разъяснялась сущность проекта, вызвало аплодисменты. Говорил я о том, что данный проект основан на идее демократического трудового самоуправления, что эта Конституция гарантирует гражданам право на труд, на достойную пенсию, бесплатное образование и здравоохранение, доступное жилье - а именно эти социальные гарантии сейчас находятся под ударом "рыночных реформаторов". Подписались под проектом более трехсот моих слушателей. Именно после этого собрания, когда мы спускались с лестницы, рослый круглолицый Работяга сказал мне: "Ну, Костя, приобретаешь ты популярность в народе!" Конечно, это было приятно слышать, особенно в мои восемнадцать лет... Мы, то есть партийный актив, уселись в уже знакомую мне красную автомашину Вожака, и отправились домой. Машина неслась сквозь черную ночь, мы обсуждали перспективы коммунизма в России, но в наш разговор навязчиво вплеталась радио-реклама западных товаров. Я про себя именовал такое сочетание бредовым, а сегодня его кличут "постмодернистским".

***

...Много воды утекло, множество прошло еженедельных собраний с ноября по декабрь. Как правило, несколько человек, привыкших к точности, приезжали на собрание загодя - к примеру, в 18-20. Летом, ожидая Вожака, гуляли мы возле дворца, на площади. А зимой и осенью коротали время в вестибюле дворца, опираясь на гардеробную стойку. На ней же лежали партийные газеты. У кого их не было - мог выбрать и купить то, что ему нравилось. Мы обсуждали последние политические новости, яростно спорили, оживленно жестикулировали, и со стороны, вероятно, напоминали "пикейных жилетов" из романа "Золотой теленок". Как там сказано? "Скабрзные старики - опереточные комики!" Но наши старики, по меньшей мере, были не безразличны к судьбе страны и социализма. Я удивлялся, сколько в них энергии. Одна анпиловская бабушка, кряхтя и охая, могла обойти три квартала, зайти в каждую квартиру - тогда еще не расплодилось домофоны - и всем рассказать о нашем проекте конституции. Люди старшего поколения были сплоченнее, дисциплинированнее, привыкли к суровым лишениям и при близком знакомстве вовсе не вызывали того смеха, на который рассчитывали официальные СМИ, показывая карикатурно демонстрации "Трудовой России". В чем-то наивные, анпиловские старички обладали, тем не менее, многогранным жизненным опытом, в том числе и военным, так что слушать их мне было интересно. Это была своего рода живая летопись.

После того, как в вестибюле появлялся Вожак, мы ждали там еще минут пятнадцать, затем осведомлялись у вахтера о свободной аудитории, и подымались туда по лестнице. Поскольку мы в ДК УМПО помещение не снимали, а существовали там "на птичьих правах" - нас немилосердно гоняли из одного кабинета в другой. Помню, как нас отправили в свободную комнату из-под какого-то музыкального кружка, где стояло пианино. Один активист РКП умел худо-бедно играть на нем, и покуда не собралась вся компания, наигрывал одним пальцем лихого "Чижика-пыжика" и бессмертную "Мурку". Расширился ассортимент газет, приходивших Вожаку для распространения. Начала выходить малым тиражом газета "Известия ЦК РКП". Она была предназначена для партийного актива, и в массовую продажу не поступала. Но я, как член партии, имел право ее купить.

К нам, по ходу собрания, подтягивались опоздавшие, а иногда заглядывали разные странные типы. Например, в разгар мистической вакханалии и процветания в стране всякого рода сект, к нам зашел человек, утверждавший будто его зомбировали путем гипноза, проводили над ним опыты. Вожак не стал смеяться над ним, напротив, терпеливо его выслушал и попытался успокоить. Нам же он потом сказал - 90 процентов за то, что этот человек ненормален, но 10

экзамен по физике, а химию желали сдавать девочки - если они шли в Нефтяной, а не в БГУ. Но я химией увлекался еще с четвертого класса, а вот физика давалась труднее. Вела ее наша новая классная руководительница, Валентина Михайловна Чижова. Мне она в учебе помогала. Я даже заходил к ней домой, и она бесплатно объясняла трудные темы - про всякие колебательные контуры и катушки. И пока она не переехала, я каждый год восьмого марта, уже и после окончания школы, ее поздравлял и дарил цветы. Где-то она сейчас... Я благодарен ей по-прежнему.

По физике у нас намечался экзамен школьный, а химию в ВУЗе сдавали на одном лишь факультете - технологическом. Престижной считалась профессия биотехнолога, это была "отрасль будущего". Кто мог знать, что рыночные реформаторы доведут ее до краха, что хозяйственные связи распадутся, биокombинат в Благовещенске пойдет под откос? Вообще, нет таких надежд и силлий, в учебе ли моей, в философии, морали, политике и вообще жизни, которые бы не были обесценены, очернены или убиты реставраторами капитализма... Но пока я, не зная о будущем, добросовестно готовился к поступлению. В новом 1991 году школьную крышу в нашей 62-ой кое-как починили, и нас вернули из ПТУ-"полтинника" по прежнему адресу.

Самый сложный для меня предмет - математика. Вроде бы, я способен мыслить логически. Формально говоря, и преподаватель у нас хороший - Маргарита Васильевна. Она даже получила орден за преподавание. Но ее объяснения мне казались неясными. Долго винил себя в непонятливости, но когда начал подтягивать алгебру с репетитором - а это был известный в Уфе учитель-популяризатор Аркадий Наумович Богуславский - то я понял, что дело все же не во мне, а в преподавании. В стиле Аркадия Наумовича оказалось куда больше логики, и присутствовал элемент игры. Маргарита пропускала мелкие промежуточные этапы в решении, надеясь что ученики их сами додумают. Аркадий Наумович этого не делал. Кроме того, он отвечал на мои вопросы философского плана. Например, нам говорили, что делить на ноль нельзя, а в знаменателе дифференциала дельта икс стремится к нулю - как же быть? Он и объяснял. Игрой выглядели и такие задания: как изменится график, если прибавить к формуле двойку? Умножить на семь? Разделить на четыре? График при этом ужимался, вытягивался, двигался - и вообще вел себя как живой. Вот как надо преподавать! К нему я ходил с сентября 1990-го - и до майских экзаменов девяносто первого. Он жил на проспекте Октября, на Спортивной, и от него я возвращался в Черниковку пешком, за восемь километров. Так я выработал привычку к пешей ходьбе на большие расстояния, и мне она впоследствии пригодилась. По пути домой всегда заходил в кафе Театра кукол, и выпивал чашечку кофе. Это меня стимулирует.

Но однажды я в этом кафе чуть не нарвался на неприятности. В доме у нас жил один сорванец, помладше меня - с ним опасно было ходить по улицам. Ну, ладно, подбирает окурки - ведь в магазинах нет сигарет (уже были в других городах табачные бунты!). Ну ладно, курит чай вместо табака. "Чай, завернутый в газетку, заменяет сигаретку" - еще самая приличная версия пословицы того времени. Это все - его дело. А ведь бывало и хуже. Отправился я однажды в новый торговый центр "Башкирия", и он за мной увязался. Вышли на "Спортивную", бабка продает семечки, у нас денег нет, я иду дальше - а Сорванец задержался там. Догоняет, запыхавшись: "Хочешь семечек?" - а сзади уже слышны крики погони. Оказывается, запустил он руку в мешок, и у торговли полную горсть украл. Заходим в кафе у Театра Кукол - я заказываю чашку кофе, а он под столом протягивает пирожное: "Угощайся!". Оказывается, стащил с витрины... Да что ты будешь делать! Судьба этого парня трагична. Его семья поехала однажды за город, их машина столкнулась с КАМАЗом, мать и сестренка Сорванца погибли, а сам он попал в больницу. Потом за ним приехал отец, и увез парня с собой. В Грозный. Как он там сейчас? Что за рок над нами тяготеет?

***

Телевизионные новости тоже оптимизма не прибавляли. 12 января были введены советские войска в столицу Литвы - Вильнюс. Говорили, что сепаратисты угрожают целостности СССР. Войска захватили здания вильнюсского радио и телевидения. При этом штурме погибло пятнадцать человек.

В тот же период США, радуясь устранению СССР из мировой политики, начали знаменитую операцию "Буря в пустыне", причем не только освободили Кувейт, но и вступили в Ирак. Война кончилась 28 февраля, когда Саддам Хусейн признал требования США. Но еще не ведал, чем для него все это закончится. Ему я не сочувствовал, но видел - мир стал нестабилен, империалисты

США уже диктуют условия другим странам. Не разразится ли мировая война? Все это тревожно, но от нас далеко.

А вот когда в том же январе, только двадцатого, рижский ОМОН разогнал националистических демонстрантов и при этом опять погибли люди - впечатление было мрачнее. Журналист Александр Невзоров показал в своей программе "600 секунд" репортаж под названием "Наши" - о событиях в Риге и Вильнюсе, сочувствуя Советским войскам. Я тоже им сочувствовал. Но не потому, что был имперский шовинист.

Попробую объяснить. Вот пишет в своих мемуарах Валерия Ильична Новодворская: "Никаких проблем с идентификацией Отечества у меня не было: я прекрасно понимала, что Украина, Крым, Средняя Азия, Прибалтика - за граница". Никогда я не напишу подобного. Для меня не существует ни государственных границ, ни национальных интересов, ни отечества. А существует только борьба универсального Добра с универсальным Злом. И борьба эта раскинула свой фронт по всему земному шару. Я не знаю, как патриоты назовут подобный взгляд на мир: безродный космополитизм, беспочвенный интернационализм, мондиализм, или еще как-то. Не суть важно. Я считаю, что если какая-то идея верна, то и торжествовать она должна везде. И право Советского Союза присоединять к себе одну страну за другой определялось для меня не "имперской мощью", а правотой внутренней идеи, на которой состоялся СССР - идеи международного коммунизма. Если в одной семье, скажем, муж пьет, избивает ребенка, эксплуатирует жену, то долг соседней нормальной семьи - вмешаться в это, остановить безобразия и навязать свой образ жизни. Не потому что он "свой", а потому что правильный. Единственно верный для всех и на все времена.

Из сказанного ясно, что когда Россия отказалась от задачи переделать мир на основах Добра, и на другие страны стала давить только в шкурных целях - то она стала для меня обыкновенной империалистической державой, да еще со средневековой православной идеологией. И мой патриотизм по отношению к ней мгновенно испарился. Правительству такой страны революционер может желать лишь поражения - как верно отметил В.И. Ленин 15 сентября 1915 г. на марксистской конференции в городе Циммервальде.

Другое дело - СССР. Конечно, знал я о бюрократических извращениях и преступлениях, но избавляться-то надо было именно от них, а не от идеи коммунизма. Кстати, возникла эта идея на Западе, и корни ее уходят в эпоху Возрождения, когда опыты Галлилея открыли эру научного мышления, когда утверждено было право человека быть личностью, когда выяснилось, что мир изменяется и прогрессирует, а человек имеет право улучшать природу и общество. Затем Французская революция освободила людей от средневекового рабства и невежества, руководствуясь идеями свободы, разума и науки. От христианского "равенства перед богом" шагнули к "равенству перед законом". Но тут выяснилось, что нищий не может быть свободен - и следующим логическим шагом было равенство социальное. Технический прогресс для этого создает предпосылки, а социальная революция воплотит мечту в реальность. Так возник марксизм. Когда он проник в отсталую, пьяную, нищую и безграмотную Россию, и после Октябрьской революции стал господствующим - страна совершила гигантский скачок к промышленному прогрессу, грамотности, социальной защищенности людей. Но проклятое наследие средневековья тянуло страну назад - и это выразилось в бюрократической реакции. Малограмотные и корыстные чиновники, затопившие партию после 1924 года, уничтожили всех интеллигентов-революционеров, прогрессоров и цивилизаторов. Под знаменами "социализма" бюрократия творила свои преступления. Конечно, государство без бюрократии невозможно - но вопрос в том, какой будет ее роль и ее идеология. Надо было избавиться от реакционных мерзавцев внутри партии, и этим возродить идею коммунизма. Так предлагал Лев Троцкий. А на деле случилось наоборот - реакционные мерзавцы окончательно избавились от коммунистического ярлыка, мешавшего им воровать. Средневековые традиции отсталой России погубили социализм и развели изнутри Советский Союз... Больно было смотреть на все это, хотелось предотвратить крушение СССР.

Поэтому я сочувствовал Интерфронту и рижским ОМОНовцам. А Ельцин, так рьяно бомбивший собственные города в 1994 году ради "целостности России", в тот же период поддерживал сепаратистов где только можно, развезая по национальным республикам и раздавая суверенитеты - "сколько проглотите". Несмотря на это, не все хотели отделяться - большинство людей выступало за сохранение СССР. Это подтвердил референдум, проведенный 17 марта 1991 г. Вопрос на этом референдуме был такой: желаете ли вы сохранения СССР как федерации

разливого пива из полиэтиленового пакета. Взяли мы соль, хлеб, и немного покушали. Пиво надо было черпать кружкой из кастрюли, кому сколько хочется. Потом пришел еще один анархист, и сказал Баламуту:

- С зоны откинулся наш общий друг. Соберемся у меня через пару дней, отметим возвращение. - и кивнул мне - Ты тоже приходи. Вместе будет веселей.

Конечно, я приехал по указанному адресу, прихватив с собой одного товарища из дворовой тусовки - студента Нефтяного. То, что я там увидел, напоминало классическую воровскую малину. Но - у страха глаза велики. И так тоже люди живут, а если я хочу быть политиком - должен изучать быт разных слоев. И потому хоть я и попытлся рефлекторно, но все же остался. Из висящих на стене динамиков неслась неприличная песенка рок-группы "Гражданская оборона". Я не был никогда поклонником Егора Летова. Мне больше нравился Виктор Цой. Вот Насмешник как-то сказал мне: "Это потому, что Цой в душе люмпен, как и ты". Не совсем верно. Не люмпен, а маргинал. Человек пограничного времени, от старого отставший, к новому не пришедший, отчужденный и одинокий горожанин, как все мы... А тут Летов пел свою похабщину, и все в доме было перевернуто, стояли батареи водочных бутылок, мешки с пивом. Полиэтиленовых баллонов ведь еще не было. Развалившись, сидел за столом виновник торжества. Зубы в наколках, три ходки семь побегов. В тельняшке. Другие - в бушлатах, каких-то старых шинелях. "А, привет, ребята, студенты прохладной жизни! Во, глядите: солдаты классовой войны, люм-э-э-ны, брошенные на дно буржуями, набираются сил перед решительной схваткой!" ... Кто-то, игнорируя динамики, играл еще и "Мурку" на гитаре... Я поздравил "именинника", но долго засиживаться не стал. У меня от таких посиделок депрессия начинается и голова болит. И пить я не любитель. Но - хотя бы имею представление. А то живут люди в мире среднего класса, в гетто своей профессии, но не высовывают - им и кажется, что у всех все одинаково. Делайте социологические эксперименты, друзья мои! Только осторожно.

***

А в РКРП тем временем начиналась эпопея со сбором миллиона подписей в поддержку "слободкинской" Конституции. Вот это была беготня! Мы буквально падали с ног... Об этой конституции надо было оповестить людей, собрать в районах собрания граждан, создать инициативные группы. Всю работу с документами вели Вожак, старый Анвар и Савраска. Собирали подписи, ходя по домам, старички и старушки. А мы, промежуточное звено: Работяга, Крестный, Майор, Комбриг и другие молодые, от двадцати до сорока - ездили по городу, вывозя из районных "центров кристаллизации" сотни подписных листов и доставляя их Вожаку. Кроме того, на нас лежала обязанность завалить весь город листовками, где рассказывалось бы о проекте конституции, и люди приглашались бы на собрание. Вот тогда и начали мои ладони примерзать к трубам и заборам близ Башмебели и Агидели, Пивзавода и УМПО. Конечно, рядом со мной неотступно был Крестный, а дети его держали кисточку и банку с клеем, который варила для нас его мама. Прямо как моя бабушка - помните, тарелка из папье-маше? Трехлитровка за трехлитровкой.... Брызги клея летят и на ветру леденеют, руки покрыты коростой, цыпками... Вперед! Вперед!

А ведь еще в институте учиться надо, не отставать! Но я убедился, что физический труд на свежем воздухе - умственному хорошее подспорье. Кровь кислородом насыщена, не ломит и спину.

Помню, приехал ко мне колхозник из какого-то района в глубинке, собравший подписи, и сказал, что надо срочно их отвезти Комбригу в РТИ, а у колхозника мол отходит автобус, так что до свидания... Я мгновенно отодвинул задание по электротехнике, прыгнул в автобус и через 20 минут был на месте.

Верно сказала Галина Волчек: "Я завидую только одному в мире - легкости, с которой молодая девушка сбегает по ступенькам".

Постепенно я узнавал свой родной город, нашу Уфу. Приходилось ездить по поручениям Вожака в разные его концы, чтобы взять заполненные подписные листы у сборщиков.

Но особенно запомнилось вот что. В декабре наши товарищи договорились с дирекцией одной из уфимских школ, и в наше распоряжение вечером был предоставлен ее актовый зал. Активисты РКРП, я в том числе, предварительно расклеили по городу листовки, приглашавшие граждан на собрание. И вот Вожак поручил именно мне выступить на "презентации" нового проекта - проще говоря, представить его публике. К тому времени я уже начал привыкать к публичным выступлениям, перестал волноваться, и говорил уверенно и спокойно. Текст речи я не

- Я еще не прочитал.

- Ничего, дарю. Дома дочита-э-шь. А вообще в Москве много троцкистов, но все разные. Есть такой парень - настоящий прол-э-тарий по виду, и прол-э-тарский образ жизни ведет. Даже скорее люмп-э-э-н. В потертой джинсе ходит... Короче, пр-э-э-зирает потрэбительство и всякие буржуазные условности. Не знаешь такого - Сэргэя Бийца?... или Би-э-ца... Как он склоняется, все понять не могу... Биец, короче. Не Боец, а Биец, ты не путай. И Костэнко не путай с Котэнко. У того - рэволюционные пролэтарские ячейки...

- Биец? Впервые слышу.

- Ничего, если ты троцкист, то о нем еще услышишь. У них - Комитет, короче. За рабочую д-э-э-мократию. И еще за международный социализм. Кэ-эр-дэ-эм-эс. Газета "Рабочая де-э-мократия". Принесу, покажу...

Все это было поглощающе интересно. "И белка, и свисток" - по выражению Токаря. Я углубился в чтение... На следующей неделе Вожаку пришел номер "Нашего Выбора" из Нижнего, и был он целиком посвящен рабочему движению - о профсоюзах, советах, стачках, коллективном договоре и так далее. И так совпало, что в этот период на УМПО произошло огромное сокращение. Завод бурлил. Тогда Вожак поручил молодежи выйти к проходной и раздать этот номер газеты. В те далекие времена это не грозило побоями. Что ж. Я, Баламут и Ультра отправились туда. Конечно, Баламут и своих газет добавил - себе взял какие-то анархистские - "Черная звезда"? "Прямое действие"? а мне сунул троцкистские - "Рабочую борьбу", "Рабочую демократию"...

Рядом со второй площадкой УМПО находился садовый участок моей бабушки Сони, где росли, как я их в детстве звал, "молодые яблоки" - желтая, сладкая "золотая китайка". Я вспоминал, как их снимали оранжевой "тольпанницей" - мне тогда было три года, и одна тетенька сказала моей маме, указав на меня: "какой у вас красивый братик!". Но участок этот давно продали, а на дворе стояла промозглая осень - конец ноября. Ельцин и Горбачев навечно изгнали меня из летнего детского рая. Что ж. Я им покажу... Тут нескончаемой вереницей рабочие стали выходить из турникетов проходной. Помню эти потемневшие, шершавые, грубые руки, хватавшие газеты из наших рук. Возникало какое-то электрическое поле взаимного общения, солидарности... Вот этот дарующий жест... Хотя мы предлагали и духовную пищу, но он был похож на то, как старушка отдает солдатам краюху хлеба: "Берите, родимые, только не подведите. Всем плохо, но вы умеете воевать, а я могу вас только краюхой оделить. Главное дело - за вами..."

Вышли мы вечером и на следующий день. И еще через день. Мои занятия в институте шли с девяти до двух, но иногда заканчивались в полпятого - если была четвертая пара. В любом случае я успевал к проходной, хотя частенько не обедал. И вот так - примерно с месяц. Через каждые день-два. Кто приходил на наши тусовки лишь выпить и закусить, кто не дубел голодным под пронизывающим декабрьским ветром, кто не ездил в сорокаградусный мороз на весь день клеить листовки в Затон, кто не видел, как пар из дырявых труб застывал от холода лютых зим, и чьи руки не примерзали к этим трубам промзоны в попытке наклеить на них листовку, кто не бегал, мокрый как кутяка, слыша скрип песка на пересохших зубах, целые дни под палящим июльским солнцем, торгуя газетами, кто не мотался по городу из конца в конец за подписными листами, кого не валили с ног менты на митингах - только тот и может недоуменно спросить: "Детство бунтаря? Вот объясни мне, в чем твой бунт?" Но что я отвечу прохожему зеваке? Сразу и слов не подберешь. Это надо пережить.

***

Однажды, после очередной раздачи, я поехал в гости к Баламуту. Он пригласил меня, и мы оказались на Кольцевой, у Круглого Дома. Этот район был тогда центром уфимской наркоторговли. "Из-за угла Круглого Дома", как мы невесело шутили, были убиты тысячи моих сверстников, севших "на иглу". Очертания домов плыли, зыбкость сумерек окутала рабочий район. Я был голоден, ежился от ледяного ветра. Дома у Баламута оказалась коллекция замечательных книг. В том числе книга историка Васецкого о Троцком, с картинками и фотографиями. Баламут мне сразу сказал, что Васецкий - историк официозный, и о Троцком пишет не очень доброжелательно. Но зато много там цитат и фактов, пусть и неверно истолкованных.

- Сам разб-э-решься. Смотри, как ты ее к с-э-рдцу прижима-э-шь... Ну ладно, бери ее на карман, пока я добрый...

Благодарности моей не было границ. Какую книгу я зачитал. Да и он ее назад не спрашивал. Я начал приходить в себя, он поставил на стол кастрюлю, и вылил туда три литра

равноправных республик? И за его сохранение высказалось 112 млн. человек из 146 млн. принявших участие в голосовании. Придя к власти, буржуазные "демократы" растоптали ногами волю народа, выраженную тогда. Конечно, мы не предвидели такого оборота дел. Мне тогда еще не было восемнадцати лет, я не имел права голоса. Но мои родители голосовали за сохранение Союза. По результатам этого референдума принято было соглашение между республиками - о заключении нового союзного договора. Зачем нам новый, чем плох старый? Но тогда я рассудил, что это не моего ума дело - наверное, есть у республик свои какие-то причины изменить договор. Главное решено - Советский Союз остается.

***

Да, это все конечно интересно, но весной и кроме референдума было у меня много забот. В те времена за деньги поступить в институт было нельзя, блат и взятки были редким исключением. Поступить в советский ВУЗ - это вам не пряники в темноте жевать. Не было взяток, но любили тогда эксперименты. Даже и над взрослыми, а школьники чем хуже? Например, у нас был такой эксперимент: можно было сдавать экзамены в институт еще до того, как сдашь выпускные в школе. Естественно, если школьные провалишь - то институтские тоже не считаются. Так и получилось, что химию и математику в институт я сдавал в мае, а школьные экзамены в июне - зная, что в институт я точно поступлю, если их сдать хорошо. Да и школьные учителя были осведомлены, что я вступительные уже сдал, и потому особенно не свирепствовали.

С химией у меня проблем не было. Ну, для страховки ходил я к репетитору - кругленькой веселой бабушке, преподававшей в Нефтяном. Однако на 1990-91 годы приходится и мое неформальное увлечение этой наукой, экспериментами, а в том числе и пиротехникой, то есть приотвлечением взрывчатки (в очень малых, лабораторных количествах). Не только я этим увлекался, но и другие ребята с нашего двора, старшекласники, мечтавшие поступать в Нефтяной. Были во дворах тусовки блатных, а была "интеллигентская". У этих ребят не было таких отталкивающих черт, как у "снобов" из нашего 8-го "В", о которых я писал раньше. Нос не задирали, быдлом других не считали. У многих родители работали в Нефтяном институте или в нефтепереработке - поэтому один магнитную мешалку имел, другой колбу, третий - химическую энциклопедию. То мы с этими ребятами получаем хлор, приливая соляную кислоту к диоксиду марганца, полученному прокаливанием марганцовки. Печально кончился опыт - делали его без тяги, при открытом окошке - а ветер подул нам в лицо, и желтый "хвост" хлора пошел в комнату. И пол заляпала кислотой. А нам и горя мало. То изготавливаем черный порох из селитры и угля, то пропитываем вату раствором селитры и потом сушим, то ацетиленид меди получаем, то перемешиваем йод и нашатырный спирт, а получившийся осадок отфильтровываем и тоже сушим. Осторожным надо быть при таких опытах. Из-под ног искры летят. Или вот "водородная бомба", например. Во флакончик наливали раствор медного купороса, сыпали поваренную соль - раствор при этом становился лазурным, а его среда кислотной - и туда же насыпали кусочки алюминиевой проволоки. И начинал с этих кусочков выделяться водород, а мы флакон завинчивали и ставили в высохший дворовой фонтан. Водород накапливался, и разрывал флакон изнутри. То ракету запускаем. Только глупо ее сделали - набили пластмассовую ракету порохом, заново склеили и думали что она полетит - а она расплавилась и окутала весь наш двор черным дымом, так что из окон матерящиеся рожи выглянули. Мы сбежали под покровом черной завесы... Много было приколов. Но одно дело - эксперименты, а другое - знание химической теории, формул, ведение расчетов и готовность к экзаменам. Сдал я химию в ВУЗ на пятерку - но не особенно этому удивлялся.

А вот с математикой было сложнее. Очень тревожился. Для меня это предмет самый сложный. А тут еще, когда шел на экзамен, перебежала мне дорогу черная кошка. Я материалист, и лишь презрительно хмыкнул. Вошел в аудиторию, трясаясь от страха получил билет - выпал мне тринадцатый. И посадили меня за парту с номером тринадцать. Они пронумерованы были. Как сейчас помню эту большущую черную цифру "13", в черной рамке под стеклом, на белом листе формата А4. Написал я экзамен, и очень тревожился. Пришел в назначенный день за результатами - "отлично"! С тех пор мой материализм и атеизм стал воинствующим и нетерпимым. Истина не может терпеть рядом с собой существование лжи (и ее проповедников тоже, но это уже дело политиков). Впрочем, что взять с мистиков? Они на это мне говорили, что у меня 13 - счастливое число. Этим баранам хоть кол на голове теши, по выражению Елены Григорьевны.

Получив по математике неожиданную пятерку, я купил роскошный букет цветов и принес в 82-ую школу, репетитору Богуславскому. Он был тоже удивлен оценкой: "Голова у тебя работает, но ты очень рассеянный, часто забываешь учитывать мелочи. Я думал, четверка у тебя будет".

Оставался еще экзамен по русскому и литературе, то есть сочинение. Ну, тут у меня никогда проблем не было - это моя стихия. Сдать сочинение надо было в школе, а оценка засчитывалась как ВУЗовская. Тот же эксперимент. Лидия Ивановна Башинская, опытная и знающая (о ней уже я упоминал), рассадила нас и дала несколько тем, в том числе "свободную" тему. Вернее, о любом понравившемся современном произведении. Я выбрал опубликованную в "Новом мире" повесть о судьбе мальчика - заключенного по кличке Глаз, попавшего в тюрьму за незначительный проступок, а там ставшего матерым преступником. Повесть называлась "Одлян, или воздух свободы". Я не помню сейчас, кто ее автор. Очень подробно там рассказывалось о быте заключенных детской колонии ("малолетки"), о порядках в тюрьме. О жестоких ритуалах, таких как "прописка" новичков в камере, об иерархии воров и лагерных активистов ("рогов"), о делении заключенных на касты, и так далее. Вывод я делал такой: преступность имеет социальные причины, и наше общество несовершенно, если в нем такое возможно. Именно общество виновато в судьбе таких, как Глаз. Поэтому надо исправлять социальные порядки, и мы все должны прилагать к этому усилия, активно участвуя в политике. Помню, когда мы писали этот экзамен, нас вывели строем пообедать в соседнюю аудиторию, и на сдвинутых вплотную столах лежали плюшки. Подкрепившись, мы вернулись в класс и вновь принялись за работу. Грамотность и стиль моего сочинения были оценены на пятерку, но Лидия Ивановна не удержалась впоследствии заметить моей маме: "Ваш сын написал прекрасное сочинение, но почему же он выбрал такую мрачную тему?". Как знать. С учетом "развития демократии" в России, особенно после 2000 года - не окажется ли "мрачная тема" пророческой... Что ж, останусь жить хоть в этих воспоминаниях. Не ждать же молча? Я им не Коля Бухарин.

Однако вернусь к теме. Как сейчас помню - между школой и кирпичной "приготовишкой", куда мама привела меня 11 лет назад, стояли рослые одноклассники в чересчур теплых черных костюмах и галстуках - а солнце жарило немилосердно. После этого экзамена все мы чувствовали себя почти выпускниками. И сорвав с шеи тесный галстук, один из ребят уже принимал в руки гитару, кем-то принесенную, а затем наша компания отправилась на обычное место тусовки - по другую сторону от "приготовишки". Автосигнализаций тогда еще не было, постоянный вой не терзал слух, не разрушал нервную систему. Зато был слышан стрекот насекомых в траве. Тишина... Благодать... И как-то забываешь даже, что в стране неспокойно, в мире идет война, а окончание школы еще не гарантирует будущего счастья...

Остальные июньские экзамены были довольно легкими - по английскому я взял тему "Творчество Р.Л. Стивенсона". Его книги "Клуб самоубийц" и "Странная история доктора Джекиля" я еще в восьмом классе до дыр зачитал, как любимейшие, и потому написать изложение "Джекиля" на английском для меня труда не составило. Вообще, английский с четвертого класса нравился, когда меня красивая молоденькая учительница похвалила ("У него когда ни спроси - ответит!"). Обращаюсь к учителям, преподавателям, да и родителям: поощряйте детей! авансируйте! даже если способностей недостаточно - подчеркивайте успехи! А то моего приятеля Кешу записали в "троечники" с начальной школы - и не ставили выше тройки, не ждали от него большего. Ему и учиться расхотелось. А умнейший был парень, да и замечательный шахматист. Но если человеку трижды в день говорить, что он свинья - он хрюкать начнет.

***

Сдал я физику, катушки эти мудреные, школьную химию - попался капролактан... Пора уже и на выпускной вечер.

Состоялся он в конце июня. На официальную часть собрали нас в актовом зале Дома Учителя, напротив 62-ой школы. Вручили каждому поздравительную открытку. Вот она, передо мной. На ней - букварь и глобус, портрет Пушкина и томик Ленина, пионерская и комсомольская эмблемы, октябрятская звездочка, калькулятор и колосья пшеницы. А текст был таким: "Константин! Осталась позади волнующая пора экзаменов. Сегодня, в этот тожественный день, ты прощаешься со школой и произносишь слова благодарности учителям, которые вооружили тебя необходимыми в жизни знаниями, научили трудиться, критически относиться к себе, ставить перед собой большие цели и добиваться их..." - не удержусь от сарказма: если жандармерия не задержит! - "...Школа помогла тебе определить будущую профессию. Вместе с тобой несколько

- Ну, началось с пикета. У пивного ларька, в Инорсе. Притащили черный флаг, и все алкаши у ларька нас тоже поддерживали. Они ведь знают нас, все сами с УМПО. Район такой. Но беда была со старушкой. Чуть не померла. Везде ведь секты, Юсмалос конец света пророчит. Она подошла и спросила, кто мы, почему под черным флагом. Ну, я и отвечаю, мол, анархисты. А бабка за сердце схватилась: "Антихристы!!!" Кан-э-э-шно, она такого при Совке не видала. Слышь, уже выходить надо...

Мы вышли из автобусов, и организованно прошли к памятнику бойцам гражданской войны, у Дома Печати. В будущем, из-за конфликтов с "Вечерней Уфой", предвзято освещавшей наши митинги, анпиловские остряки перекрестили его в "Дом Печали"... Мы возложили цветы у монумента. Вновь сели в автобусы и поехали в парк им. Ивана Якутова. Он был первым президентом "Уфимской республики", провозглашенной рабочими в 1905 году. После подавления восстания Якутов был повешен по приказу царя. В парке горел вечный огонь. Мы вновь провели возложение цветов - к могиле Якутова и участников гражданской войны. Я отправился домой, взяв у Баламута адрес. Он обещал мне организовать встречу с анархистами.

***

14 ноября 1992 г. премьером стал Черномырдин. Егор Гайдар обижался, но классовая сущность режима от перестановок не изменилась. Был режим буржуазным, таким и остался. Анархист меня настолько потряс, что я решил во что бы то ни стало с ним встретиться. С каким же радостным удивлением я увидел его на одном из собраний РКРП! Оказалось, что он Вожака давно знает, и познакомил их Работяга с УМПО. После собрания, когда все спускались по лестнице, Баламут отвел меня в закуток, мы сели на кресла, и он вытащил из своей необъятной сумки кипу газет.

- На, почитай. Ты говорил, что Троцкий интересуешься... Вот тебе троцкистская газета из Москвы. Ее выпускает такой... Дмитрий Жвания. Может слышал? Нет? Вот, смотри какой у нее девиз - все за идеи Л-э-э-йбы Браншт-э-э-йна!

На самом же деле газета называлась "Рабочая борьба", а девиз ее гласил: "Все за идеи Ленина и Троцкого!". И сам Троцкий был на ней изображен, во френче и пенсне, в профиль. А на обратной стороне - во весь лист солдат латиноамериканского типа, вислюсый, в салвадорской шапочке и с винтовкой-трехлинейкой.

Это была газета того знаменитого Жвании, о котором Илья Стогов впоследствии напишет в книге "Революция сейчас". Не имел чести быть лично знакомым. Ныне этот выдающийся революционер, кажется, склонился к неозсерству... движение имени Петра Алексеева, нет? Впрочем об этом лучше знает Нестор Гусман, лидер данного движения. Я же считаю такое направление весьма перспективным. Вот они, долгожданные Спасатели. Черные Плащи. Что ж, поглядим, как дело пойдет у лихих мастеров красного цеха... Сил у меня уже нет, старый стал, да и обложен со всех сторон, как волк в облаве. Четыре года с родным отцом по телефону не могу говорить по-человечески, только отрывистые реплики бросаю - ибо слышат нашу беседу еще и третьи уши. Энциклопедически развитые эрудиты, светлые головы, приходя друг к другу в гости, пишут записки и сжигают в пепельнице, вместо полноценного словесного общения. "А где хватит на полразговорца, там припомнят..." Это что, нормальная жизнь? Но на студенчество и молодежь надеюсь. Да и среди интеллигенции Спасатели всегда найдут поддержку, пусть и пассивную. Ибо нестерпимо души нашу интеллигенцию г-н Держиморда. Не хочет ее слушать. А язык невыслушанных...

Впрочем, вернусь из тягостного сегодня - в то веселое время, в газету Жвании. Там была длинная и скучноватая статья "Причины кризиса", с уймай статистики и доказательством, что в СССР был бюрократический государственный капитализм, постепенно усваивающий рыночные методы с Запада. При этом ссылались на мнение иностранного ученого Тони Клиффа. Ряды цифр дополняла карикатура - противная клякастая крыса, на которой висела табличка "Ельцинизм". Предлагался рабочий контроль и противодействие приватизации. Была опубликована и статья Троцкого - "Рабочий контроль в 1917 году" - в рубрике "Архив". Все это было сложно, и надо было в этом разбираться не спеша.

А Баламут, нетерпеливо толкая меня под локоть, уже заинтересованно вопрошал:

- Ну что, САГИТИРОВАЛСЯ?

Была у него дурная привычка - задавать этот вопрос через каждые пять минут, если он давал кому-то литературу.

"Сегодня мы отмечаем день Октябрьской революции. Те, кто совершил контрреволюционный переворот, еще не запретили этот праздник. Но даже если это случится - этот день все равно будет для нас самым светлым и радостным. Может быть, только сейчас, когда мы теряем завоевания революции - мы начинаем понимать, что народ, восставший в 1917-м, добился того, чего никогда не даст капитализм. Права на труд, на отдых, на бесплатное образование и лечение, на спокойную обеспеченную старость, на уверенность в будущем молодого поколения..." Мне не стыдно за эту речь. Я пытался донести до людей, что же произошло со страной, как мы докатились до реставрации капитализма, насколько прогнила партийная бюрократия, породившая класс новых собственников. В каких скотских условиях жил народ при царе, как отвоёвал в Гражданской и Отечественной войне свои социальные гарантии - и как их сейчас отбирают у нас, под бессовестное вранье телевидения и газет. Многие из того, что я писал в марте 1990 г., склонившись над пеньком в парке Лесоводов Башкирии, вошло в эту речь.

Какая буря аплодисментов, рукопожатий, улыбок сопровождала окончание моего выступления! Я чувствовал себя действительно нужным, востребованным, тем более что все сказанное мною я говорил искренне, глубоко в это веря, и публику не обманывая. И даже отец, стоявший в толпе и всегда отмечавший в первую очередь мои недостатки, на этот раз мне сказал: "Ну, слушай - растешь! Ты лучше выступал, чем все эти обкомовские краснобаи, вместе взятые..." Надо знать моего отца, из которого похвалу и клещами не вытянешь, чтобы понять мое ликование в тот день!

После митинга отец отправился домой - там был накрыт семейный праздничный стол. А мы, активисты, сели в автобусы. Невероятным покажется сейчас, но партийные аппаратчики Соцпартии смогли обеспечить нам, через свои связи с директорами, колонну микроавтобусов. Открыв окно в салоне, мы, молодежь, выставили на улицу красный флаг, и с пением революционных песен: "Интернационала" и "Варшавянки" - покатали по проспекту, а сверху падал на него зернистый снег. Я огляделся. Гневно сверкая черными глазами, Шахматист объяснял какой-то бабушке, кто их кандидат от Соцпартии, и кипятился:

- Ну какие же вы коммунисты, если не знаете даже имя кандидата от собственной партии? Ведь это уму непостижимо!

У древней глуховатой бабушки блестили на глазах слезинки от упреков юнца, произносимых высокомерным тоном. Зрелище это мне крайне не понравилось, и я отвернулся к другому попутчику. Это был голубоглазый верзила, чуть старше меня, с пепельными нечесаными волосами, торчащими по сторонам, и волчьим оскалом крупных зубов. Рот его был похож на трапецию, основанием вниз. На руке у него была наколота синяя звезда, в ней - автомат и латинские буквы: R. A. F.

Мы разговорились. Выяснилось, что мой собеседник себя считает анархистом. Почему оказался в автобусе актива? Помогал на митинге, держал транспарант. Ох и Баламут же это был! Я у него спросил:

- А что, разве анархисты за коммунистов? Ведь мы за справедливый порядок, а не за анархию...

- Ну тут, сам понимаешь, все разные. Я вот анархо-коммунист. Ты Кропоткина и Бакунина читал?

- Да нет, как-то не интересовался. Больше учебник по марксизму. И еще я Троцкому сочувствую. Только его книжек не читал. Одни цитаты из "Нового мира". А ты Бакунина откуда взял? У нас ведь вроде не издавали?

- Да из Москвы привез. Я туда сразу рванул, как началась заварушка в августе. Но не успел. А все равно со многими московскими пообщался. Вот знаешь, есть такой революционер в Москве - Котэнко. А есть еще Костэнко. Ты их не путай.

- Да я про них впервые слышу.

- Ой, темнота. Ой, тундра! Откуда только такие берутся. Хотя речь ты классную толкнул... Ты вообще, под чьим солнышком греешься?

- Я-то? Под анпиловским. А что, много в Уфе анархистов? И когда возникли?

- Да еще в 1991 году первое мероприятие провели. Мы ведь все с УМПО, рабочие. Только там сокращения начались, и некоторые уже безработные. Выживают, кто как. Люмп-э-э-ны.

- Ой, да перестань тянуть свое "э-э". Это у нас в классе кто под блатного косил, говорили "конкрЭтно", а меня называли "профЭссор". И че вы делаете?

миллионов молодых людей вступают в сознательную жизнь. Страна получит огромный резерв юной энергии, трудовых рук, новых талантов. Пусть каждая страница твоей биографии будет наполнена творческим поиском, дерзанием, добросовестным трудом на благо нашей социалистической Родины! Поздравляем тебя с окончанием средней школы! Счастья и успехов тебе!" И далее: директор - Л. Боровикова, класный руководитель - В. Чижова, секретарь комсомольской организации - пустое место. В комсомол ведь я не вступал.

Конечно, многие надежды разбились о то, что начало твориться в стране через пару месяцев. Но этого будущего мы не могли тогда предст авить даже в кошмарном сне. Подарили нам, кроме открытки, книжку. Россия еще не пришла по пути демократии к тому, чтобы в напутствие выпускникам дарили биографии вождей гитлеровского рейха (о чем был скандальный репортаж в программе "Времечко"). Пока нам подарили книжку о белогвардейском адмирале Колчаке - точнее, о борьбе с Колчаком, но написанную объективно, с приложением документов. Называлась она "Арестант пятой камеры". Держа подарки, я из Дома Учителя отправился обратно в школу.

Уже стемнело, близилось десять вечера. В кабинете физики был накрыт праздничный стол. Он был наряден, мы тоже. Целую дискуссию взрослые развернули о шампанском. Ставить ли его? Решили не соблазнять малых сих. А "малые" уже направились втихомолку к физруку в спортзал, и договорились о покупке ящика водки и совместном распитии оной. Водки я в то время не пил, и стоял от этого дела в стороне. Куда же направиться? В актовй зал - там дискотека с цветомузыкой. "Америкэн бой, уеду с тобой!" Пляшем, веселимся, а некоторые целуются с девочками. Но вы же знаете мою позицию, если "Детство бунтаря" читали внимательно... Через часок скучновато стало глядеть на танцующих и самому прыгать. На целующиеся парочки посмотреть тоже интересу нет. Водки не пью. Что делать? Отправился бродить по коридорам. Захожу на пятый этаж. О, да тут настоящее казино! Человек десять играют в "Менеджер" за огромным столом. Попросил я карточки себе, начали играть, и я увлекся. Продаем, покупаем, фишки движутся по кругу. Но заходят и говорят: "Ребята, пора сматывать удочки. Едем на автобусах через весь город - к памятнику Салавату Юлаеву".

Лавины преступности тогда еще не было. Так что можно было по ночной Уфе безбоязненно гулять. Мы поехали. Улицы пустые, асфальт сырой - видимо, был дождик. Проспект обходился без реклам, не было и шума, "ночной жизни", казино, игровых автоматов на каждом шагу. Тишина, шуршание шин. Негромко беседуем, сидя в автобусных креслах. Вдруг навстречу нам - автобус, тоже с выпускниками, в Черниковку едет. Машем руками. Приветствуем. Наконец, мы у Телецентра. Один парень напился водки в спортзале, не рассчитал, в автобусе его развезло, и он не смог вылезти. Но большинство одноклассников были трезвыми. Во тьме перед нами возвышался огромный памятник бунтовщику Салавату, героически сражавшемуся против федераль... против сил императрицы Екатерины Второй. Мы направились медленным шагом по темной аллее. Шли молча, без разговоров, и каждый думал о чем-то своем. Я дум ал о своем, но и о стране тоже. Что с нами будет? Кем я стану? Буду ли я нужен и востребован? Пожалуй, это главное для человека - востребованность временем... Дошли до гранитного бортика набережной. Воды Белой лениво перекатывались вниз, вдали светился одинокий бакен, железнодорожный мост над Белой покорно ждал очередного поезда. Как, все-таки, природа равнодушна к судьбам людским... Стояли, смотрели, гадали о будущем.

Наконец, вернулись к автобусам и приехали в Черниковку. Ночь сменили утренние сумерки, начинало светать. В восемь утра нас отправили по домам, но сбившись в кучу мы еще долго ходили по улицам с гитарой, заглянули даже в парк Победы, и пели уже привычную "Восьмиклассницу" недавно погибшего Цоя.

Школьная глава закончена. Теперь я - абитуриент.

***

Помню тихий шелест верхушек тополей над лавочкой, на оборотной стороне "приготовишки". Сама природа, кажется, смертельно устала и теперь набиралась сил для того, что еще предстояло пережить. И кроткое ласковое тепло этого лета, последнего в советской истории, подстать было покою моей души. Вот и все. Я поступил. И уже видел в институте белый листок с моей фамилией и моими пятерками. Конечно, я не счастлив - как можно быть счастливым, если хоть один человек на Земле мучается? Но все же - почти... Только маленькая иголочка предчувствия колола. Но вот, кажется, исчезла и она. На ту же скамеечку приходили ребята. Эта

тусовка была не интеллигентской, а блатной - и начинали некоторые уже покуривать травку - не зная, в какой омут подобное увлечение их затащит. Но пока это были нормальные пацаны. Где вы теперь, Рома и Мясо, Прака и Донбасс? Глядели вы тогда на меня уже снизу вверх - как же, ведь это СТУДЕНТ! Ведь это будущий ИНЖЕНЕР! Не чета нам, охламонам. Было б чему завидовать...

Что ж, можно из этого положения и пользу извлечь. Мои беседы о политике теперь внимательнее слушать будут, коли повысился мой авторитет. А поговорить было о чем. Пока я грыз гранит науки, Ельцин рвался к власти. Знал он, что при его "демократии" парламент будет... как это у Даля? "Бумажная кукла, которую дергают за ниточку, заставляя ломаться". И потому захотел стать не председателем Верховного Совета, а Президентом России. Появился и сам пост президента. Все это типичнейшие черты бонапартизма. Уже одно введение этого поста показывает, что демократией тут и не пахнет. А пахнет - "вертикалью власти". Кстати, ОМОН в то время как раз вооружили этими резиновыми вертикалями - их еще называли "демократизаторы". Как все переплетено в нашей истории!

Так вот, ввели пост - а свято место (хотя какая уж тут святость, особенно после нероновских выходов 1999 года) пусто не бывает. Так что 12 июня проводились первые в России президентские выборы. Конечно, в то время это не сопровождалось массовым бегством жителей из домов, ибо приближение выборов гибелью людям не грозило. Кандидаты были такие: "демократ" Ельцин, умеренные социалисты Николай Рыжков и Аман Тулеев, "либерал-демократ" а на деле русский националист Жириновский, генерал Альберт Макашов, сегодня не без оснований упрекаемый в антисемитизме, а тогда весьма радикально говоривший о защите социализма и СССР, и Вадим Бакатин, программу которого я не помню. Жириновский, в характерной для него эмоциональной манере, говорил о целесообразности деления России на губернии, в целях удобства управления. Откуда было знать, что их назовут потом "федеральными округами"? Но читатель уже понял, что я развесил в то время уши и слушал речи Макашова, особенно его обличения в адрес Ельцина. Однако еще раз повторю - выступления генерала в то время были не такими, как сейчас. Впрочем, я не достиг 18-и лет, так что о выборах мог рассуждать чисто абстрактно. Мои родители скорее поддерживали умеренно-розового Рыжкова - отец недолюбливал Ельцина, но был против радикальных экспериментов и поворотов.

Когда страна готовилась к выборам, я готовился к выпускным и вступительным экзаменам. Но выходил гулять, чтобы подышать свежим воздухом. И вот увидел в соседнем дворе предвыборный стенд со множеством листовок. Стенд недавно поставили рядом с детской площадкой, вблизи от которой на цепочках висела удобная скамейка-качели. Шел я к этой лавочке, а пришел к стенду. Большинство материалов были стандартными, но как мне занозила глаз одна газета! Я прямо прилип к ней - не оторвешь никакими силами. Называлась она "За боевые темпы". Это была многотиражка нефтезавода НУНПЗ. И там всех кандидатов разбирали с близких мне позиций. Больше всего доставалось Ельцину, предсказывалось, что его рыночные реформы обернутся катастрофой. Перепало Жириновскому за то, что тащит ржавые обломки царизма в современную политику. Сдержанно, но аргументировано критиковались остальные кандидаты. Все это сопровождалось статистикой и очень умно было написано, а главное проводилась линия в защиту социальных завоеваний, полученных при Октябрьской революции. Революцию все наглее пинали в толстых журналах, а тут в многотиражке - хвалят! И запомнил я накрепко фамилию автора статьи. Указывалось, что он активист "Движения коммунистической инициативы". Впоследствии судьба надолго свела меня с этим человеком и его товарищами.

А пока сидел я на лавочке за "приготовишкой" - уже в начале июля - колыхались тополя, в душе была безмятежность, и обсуждал я с Мясом и Пракой результаты состоявшихся выборов. Победил, конечно Ельцин - набрал 57 процентов ("наш народ хитер и мудер" - сказал по этому поводу один из собеседников), за Рыжкова было - 17 проц., за Жириновского - 8, за Тулеева - 7, за Макашова - 4, за Бакатина - 3. Примерно такие цифры. Но кем был президент России в те времена? Правит ведь Горбачев, президент СССР. Так что стоит ли расстраиваться - все равно ничего Ельцин не сделает, он же подчиненный. Конечно, плохо что у нас все в раскорячку, бюрократы свои преступления валят на коммунизм, люди этому верят, и уже численность партии на шесть миллионов человек упала. Выходят из КПСС, а некоторые даже рвут и сжигают свои партийные билеты напоказ. Но это дело временное - придет другой генсек, добрыми делами восстановит авторитет нашей страны и партии. А Ельцин пусть себе тешился своим постом. Он подчиненный, никогда ему не быть самым главным - потому что Россия входит в Советский Союз.

Конституции России. Она была написана группой юристов под руководством Юрия Слободкина, и впервые озвучена в Нижнем Новгороде 18 октября. Тогда же представили публике и проект закона о выборах депутатов. Их выбирать предлагалось от производственных коллективов, с возможностью отзыва в любое время по требованию избирателей. Идея "ваучеризации" на этих митингах определялась как "очередной обман народа, форма разграбления народного достояния и способ концентрации средств производства в руках узкого слоя людей". Звучали также лозунги о возрождении СССР. Вина на распаде СССР, подчеркивали ораторы, лежит как на мировой, так и на доморощенной, национальной буржуазии. По мнению митингующих, прекращение войн и конфликтов в регионах СССР достижимо только через объединение рабочих, крестьян, специалистов и служащих в свои Советы.

Прошел подобный митинг и у нас в Уфе, тоже 24 октября, у ДК Орджоникидзе, т.е. под окнами моего дома. Там я впервые выступил перед публикой не в помещении, а на открытом воздухе. Народу было немного, человек двести, и выступал я через мегафон. В основном говорил о социальных гарантиях, которые предоставляет гражданам социализм, и которых нет при капитализме. Вывод: надо отстаивать свои законные права, поддерживать принятие законов, которые бы эти права защищали от посягательств новой буржуазии. Речь была краткой, и голос мой был слабым. Из толпы слышались поощрительные возгласы, типа "Не робей!", "Давай громче!". Я усилил голос. После этой речи впервые услышал я аплодисменты в свой адрес со стороны уличной толпы. Плачущие от умиления бабушки мне чуть руки не расцеловали. Даже как-то неудобно было. Ну, кто я такой, что я для них сделал реального, чтобы меня так любили? Надо постараться действительно что-то для людей сделать хорошее... Вот захватим власть - и тогда ни один пенсионер голодным ходить не будет! Но этого надо еще добиваться... Своей речью, связанной и грамотной, я произвел хорошее впечатление и на лидера РКП. Так что было мне поручено подготовить речь и на 7 ноября - выступить на общегородском митинге.

***

С волнением приступаю к описанию самого яркого, выдающегося, незабываемого события моей жизни. Поручил мне Вожак выступить на общегородском митинге 7 ноября. Тогда это был государственный праздник - день Великой Октябрьской Социалистической Революции. Для нас, левых, он останется таким навсегда.

Потом власти делали его "днем согласия и примирения" - согласия грабителей и ограбленных, примирения нищих с нищетой, интеллигентов с осквернением Истины, угнетенных с угнетателями. НЕ ВЫШЛО!

И тогда власть, после выгодных лишь ей кровавых событий (помнится, политику регулярных кровопусканий итальянская спецслужба СИФАР называла "стратегией напряженности") - отменила праздник. И праздником сделала 4 ноября - день народного единства обманщиков и обманутых, день рождения Черной Сотни. Ну, той самой фашистской организации, которая при царе устраивала погромы. Из людоедских идей которой вырос германский нацизм. Когда это сделали - неонацисты начали проводить в Москве ежегодный "Русский Марш" с криками "Хайль!" и расистскими лозунгами.

"Гарант" всех наших бед, заменив седьмое ноября четвертым, а ориентиры 1917-го - ориентирами 1933-го - однозначно дал понять, на какой он стороне в извечном конфликте Добра и Зла, Революции и Реставрации, Прогресса и Реакции, Разума и Дикости, Науки и Мракобесия. Нет прощения! Не может антифашист быть "патриотом" фашистского рейха, в который превращают его страну. Потому что это предательство самого себя. Фашистскому рейху антифашист обязан - вредить, чем только можно. Впрочем, сочувствуя на роду. Но не государству. Выбор именно таков - Красная Сотня или Черная Сотня. Социализм или варварство. Примиренческой середины не бывает. Просто я это понял гораздо раньше наших либералов...

А тогда, 7 ноября 1992 года, праздник Революции еще существовал, был привычным, и собиралось на него много народу со всего города. Тысячи и тысячи, с флагами и транспарантами. Погода была суровой. Парниковый эффект тогда еще не развернулся, и на площади перед горсоветом лежал снег. Организаторы митинга стояли на ступенях Драмтеатра. Подогнали звукоусилительный фургончик.

Две недели (!) я был занят подготовкой этой речи, используя как источник нижегородский "Наш выбор" и другие газеты. Я писал ее, читал вслух, учил наизусть.

после распада СССР. Однако меня не очень волновала геополитика, а больше интересовали социальные вопросы. И впервые представилась возможность выступить перед публикой. РКРП собрала в октябре съезд рабочих и служащих в ДК УМПО, чтобы они высказались о проблемах своих отраслей. Предполагалось, что снизу созданы будут советы рабочих и служащих, через которые люди могли бы решать эти проблемы. И вот поручили мне, как студенту, подготовить доклад об опасности коммерческого образования и платного обучения. Надо сказать, что распад и коммерциализация системы образования тогда только начинались, и казалось, что все это обратимо. Как, впрочем, и другие разрушительные явления, вызванные реставрацией капитализма. Много раз я впоследствии писал в левых газетах (под псевдонимом), что учатся контрактники на деньги родителей, а не на свои, и потому к учебе они относятся спустя рукава, преподавателей презирают как наемную службу, дипломы получают за деньги, не имея знаний - а такие "инженеры" страшнее любых диверсантов. Но в том сентябре пришлось мне все это высказать впервые с трибуны. К аудитории не выходил я со времени, когда второклассником и играл эстонца на утреннике. Ну да ничего - на устном экзамене ведь отвечал, так и здесь получится. Главное - не волноваться. Начал я писать речь, и долго ее переделывал. О "политтехнологиях" и "пиаре" тогда мы понятия не имели, и даже слов таких не знали. Называлось все это просто риторикой или ораторским искусством. Несколькими раз речь свою я на память повторил, на бумажке написал ее план. Однако бумажкой пользоваться нельзя - впечатление у людей плохое будет. Так что положить ее надо было на трибуну, и поглядывать иногда на план речи, написанный крупными буквами. Пришел я в назначенный день в ДК УМПО, и народу там была уйма. Нам выделили на весь день большой зал - тот, где крутили кино. И дали нам его бесплатно. Многое тогда так делалось - через просьбы Вожака и телефонные звонки партийных чиновников. Зал был полон на треть - сидело в нем человек четвереста. В плюшевых малиновых креслах. Шумят, галдят, а я речь мысленно повторяю. Но вот шум в зале затих, начали выступать ораторы, рассказывая о своих заводах и бедах, начала приближаться моя очередь выступления, а я вспотел холодным потом, и дрожал мелкой дрожью. Нельзя быть таким нервным. Наконец, дошла у них очередь и до меня. Ой, какая фраза хорошая - запомню, к сожалению еще пригодится на завершающем этапе нашей демократии... Итак, дошла очередь и до меня, я сорвался с места и поспешил к трибуне. Трибуна была медового цвета. Освещена она была очень хорошо, и внутри имела удобную подставочку для бумажек. Теперь я понял, почему ораторы так гладко выступают - положат туда бумажку, да и читают. А мы-то думаем, что они это по памяти... Дрожащим поначалу, и довольно слабым голосом начал я свою речь. И несмотря на многократное заучивание, один маленький абзац все же пропустил. В зале сидели люди взрослые и пожилые, они понимали - выступает второклассник, человек волнуется и опыта не имеет. И щедро наградили меня аплодисментами - но не за выступление мое. Тут была другая причина, очень мне в свое время помогавшая.

Дело в том, что у коммунистов было много пожилых людей.

Конечно, не настолько, как утверждали наши оппоненты по телевидению - они только пожилых и выхватывали из рядов, а уж из этих пожилых выбирали самых отталкивающих. Думаю, когда Евгений Киселев сам стал жертвой подобной игры (помните, у Юлиана Семенова: "цель фашизма - уничтожить не только левых, но и недостаточно правых") - он может быть понял, что нельзя так делать. И даже показал, под занавес НТВ, одинаковый сюжет с разным закадровым комментарием, благоприятным и враждебным - и разным было впечатление.

Так "топили" и нас. На самом деле была у нас молодежь. Но пожилых, конечно, было больше. И вот когда старики видели нас, молодых новичков, они чувствовали что не зря отдали свою жизнь этой идее, не зря воевали за нее - ибо найдутся те, кто ее продолжит. А это ощущение не напрасности, востребованности - пожалуй, главное для человека. И анпиловские пенсионеры нам чуть не со слезами на шею бросались, и аплодировали стирая ладони. А люди помоложе, например сорокалетние рабочие, тоже рады были, что молодежь интересуется движением, хотя и сдержанней это выказывали. Да и снисходительны были к молодым ораторам. Так что в "успехе" моего первого выступления - заслуг моих было, наверное, меньше четверти.

***

С 24 октября в Москве шли массовые митинги левой оппозиции. Их организаторами были Виктор Анпилов, А.А.Сергеев, Юрий Слободкин, рабочий "Красного Сормова" Д.В. Игошин, В.А. Стародубцев, А.Г. Тулеев и прокурор В.И. Илюхин, не побоявшийся возбудить против Гобачева уголовное дело. Был выдвинут на обсуждение проект альтернативной, социалистической

***

О горе, горе...

Так, кажется, говорил попугай Сильвера? Это самый лучший эпитафия к тому, что случилось в конце августа 1991 года, да и ко всему последующему. Несерьезно, говорите? Тогда возьму эпитафией слова левого публициста Марлена Инсарова.

"Рабочие и крестьяне, недожая и выбиваясь из сил, работали, ученые изобретали, поэты мечтали, герои шли на плаху, чтобы в конце концов на мерседесе приехал некто в бордовом пиджаке, сгреб все себе в карман и провозгласил: "Ша! История закончилась!".

То есть буквально - на всей освободительной традиции, начиная не то что с эпохи Возрождения, а прямо с восстания Спартака - взяли и поставили жирный крест. Только недолго он продержится, надеюсь. Какие бы помои не лили на Октябрьскую революцию, народ разберется, рано или поздно, во всех проклятых вопросах: кто виноват и что с ним делать, с чего начать - и кого кончать. Думал я, что доживу до этого момента - а теперь вижу, что наверное нет. Но придет он обязательно! А пока - погружаясь памятью во мрак Реставрации, отвечаю на стандартный вопрос:

ГДЕ ТЫ БЫЛ 19 АВГУСТА 1991 ГОДА?

Этот день - 19 августа, был кажется, понедельником. День тяжелый. Но чтоб настолько... С утра я вышел гулять - погода была прекрасной. Яркое солнце, безоблачное небо. Часов в 12 зашел домой пообедать. Мама уже пришла с работы на обед, открыла мне дверь и сказала побледнев, запинаясь голосом: "Слушай, ты знаешь?... В Москве переворот!"

Я подумал, что это преувеличение. Ну, какой же у нас может быть переворот? За всю прошлую жизнь мою политических изменений почти не было, только с 1985 года началось какое-то общественное оживление, с 1988 года пошли столкновения на далеких национальных окраинах... Но что б в Москве - и переворот? Может, это оборот речи такой - кого-то сняли с должности, а он и раскричался, что это дескать переворот?

Но нет, нет... Приходится верить своим глазам. Вижу передачу новостей. Ельцинское радио мы не слушали, а смотрели официальные новости по первому каналу. Оказывается, президент Горбачев уехал отдыхать в Крым, и там очень резко заболел. ОРЗ. Так сильно заболел, что его соратники по правительству объявили: выполнять работу президента СССР он больше не может. А в стране ситуация критическая - национальные конфликты, преступность, государственную собственность растаскивают, а в экономике кризис. И поэтому они, его соратники, считают положение чрезвычайным. И создали Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению - ГКЧП. Вся власть в стране переходит к этому комитету. Вернее, она у него и раньше была - ведь кто туда вошел: вице-президент Янаев, премьер-министр Павлов, министр обороны Язов, министр КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, председатель совета колхозников Стародубцев.

Говорили после, что все они устроили заговор с целью захвата власти. Но зачем им ее захватывать - она и так у них была! Причем высшая власть. Все руководство СССР, кроме самого Горбачева, собралось и объявило чрезвычайное положение. Говорить тут о "заговоре" против Ельцина - это все равно, что обвинить всю администрацию США (кроме президента Буша, сказавшегося большим) - в заговоре против мэра Нью-Йорка. Уровни разные. Я же говорю - Ельцин был подчинен властям СССР, Россия все еще входила в Союз, несмотря на декларацию о суверенитете. Это был ограниченный суверенитет, в составе СССР.

Ну что ж, чрезвычайное так чрезвычайное. Ведь оно и в самом деле чрезвычайное! Кто читал внимательно все предыдущее, тот представляет, что у нас в стране творилось. В конце концов, это очередное звонкое сочетание слов. Но на следующий день, когда на улицах Москвы появились танки, и это показали по РТР, я понял, что ГКЧП взялся за дело серьезно. А Ельцин призвал защищать Белый Дом, где окопались сторонники капитализма. Руками против танков защищать собираются? Он вообще адекватно оценивает или нет? С другой стороны - что ему еще остается делать? Ведь к стенке поставят. Когда мы оказались в 1993 году в том же положении, я понял логику Ельцина. Кот, прижатый к стенке, превращается в тигра. Кстати. Тем, кто с 2000 года душит в стране свободу, унижает митингующую молодежь, вызывает левых инакомыслящих на инквизиторские "беседы" - тоже не худо бы помнить эту поговорку.

Все равно, реставраторы долго не выстоят... Ну, думаю: гуд бай, Ельцин! Никогда у нас капитализма не будет. Вот называю его сторонников "реставраторы", а не "демократы", как сами они себя называли. Тут большое недоразумение, с этим словечком "демократы".

Пожалуй, суть этих людей точнее всего определил левый публицист Марлен Инсаров: "...Демократы-перестроечники и подавляющее большинство диссидентов были ЧРЕЗВЫЧАЙНО СТРАННЫМИ "ДЕМОКРАТАМИ". Народ они считали испорченным десятилетиями "коммунизма" быдлом, которое надлежит загнать в рынок железной рукой пиночетовской диктатуры... К подлинным демократам - русским революционерам 19 века - диссиденты и перестроечники относились с нескрываемой ненавистью, зато к русским царям, к Столыпину, к белым генералам, наконец, к Франко и к Пиночету - со столь же нескрываемым восторгом. Причина столь антидемократического мировоззрения "отцов русской демократии" проста. Они были не демократами, а либералами, а это - как показал некогда Чернышевский - очень большая разница. Демократ стоит за власть большинства, за власть трудящегося простонародья. А так как трудящееся большинство не может иметь политическую власть, будучи лишено власти экономической, подлинный демократ не может не быть социалистом. Либерал, в противоположность демократу, стоит за свободы и привилегии богатого ... меньшинства. Поскольку привилегии богатого меньшинства не могут сохраняться в условиях, когда власть принадлежит неимущему большинству, либерал является непримиримым противником подлинной власти народа. Современный либерал не против процедур мнимой демократии, но... если простонародье захочет и в самом деле установить свою власть или хотя бы станет сопротивляться "непопулярным мерам", тогда нет такого Пиночета, к которому испуганный либерал не воззвал бы за помощью..."

Из этого уже ясно, какую "демократию" эти "демократы" нам построили, и какому преемнику передали власть. Полковник КГБ вместо генсека, "вертикаль исполнительной власти" вместо "руководящей и направляющей силы", "Единая Россия" вместо КПСС, православная церковь (!) вместо идеологического отдела ЦК - все это, конечно, черты глубокой демократизации общества. Стоило ради этого, проливая моря крови, разрушать Советский Союз и городить августовские баррикады.

Верно заметил один из немногих честных людей команды Ельцина, симпатичный очкарик Павел Воцанов: "Защитники Белого Дома нередко сетуют на то, что у нас украли победу. Никто ничего и не у кого не крал, потому что красть было нечего. Не было никакой победы! Горько говорить об этом, но в августе 91 года народ поучаствовал не в борьбе за демократию, хотя государство после тех событий действительно стало другим. Он поучаствовал в номенклатурной междоусобице из-за собственности... Не стоит в происшедшем 12 лет назад искать какой-то великий смысл. Это досадно, горько осознавать, но никакого отношения к демократии те события не имеют. Просто одна более эффективная и молодая часть правящего клана, почувствовав новые веяния и преодолев сопротивление более ортодоксального клана, отбросила атрибуты обветшалой веры и легализовала свое право жить не как все... И в этом суть того, что случилось в тот август, который кто-то теперь считает великим, а кто-то позорным..."

Изучив учебник марксизма-ленинизма - особенно главы про "закон концентрации капитала", финансовую олигархию и роль государства, предвидел я такой результат. И потому симпатии мои были скорее на стороне ГКЧП - пусть и бюрократы замшелые, но вроде бы, обещали хоть какие-то социальные гарантии отстоять, сохранить Союз и не допустить раздачи гос. собственности в частные руки. Стал я в эти дни до позднего вечера пропадать на дворовых тусовках - а улицы гудели, все вокруг были нервными, и часто из-за политики чуть не доходило дело до драк. Появлялись надписи на стенах "Долой хунту!" и так далее. Что я мог сделать? Кто был со мной раньше согласен - тот меня и сейчас поддерживал. А один мой приятель, десятиклассник-эрудит, ранее дававший мне читать "Розу мира" Даниила Андреева, был двумя руками за Ельцина, и спорил со мной так громко, что люди начали во двор выглядывать из окон, и мы с этого двора ушли.

Я сказал ему пророческую, как выяснилось, фразу:

- У Ельцина психология самодура - партократа. Придет время - он этих депутатов сам разгонит, и объявит себя диктатором.

На это подросток ответил:

Информатику вел ироничный и остроумный, но беспощадный к малейшим оплошностям Горыныч. Кто учился в Нефтяном - поймут меня. Его лекции были строго логичны, а система оценок - справедлива, но беспощадна, как нож гильотины. У такого не побалуешь.

- Кто присутствует? Сделаем переключку. Котова?

- М-я-я-у - тянет Вовчик.

- Ваши шутки красноречиво говорят о вашем уровне - насплывает брови Горыныч, трясая аккуратно постриженной колочкой бородакой, в которой уже посверкивают седые иголки.

Много сил пришлось бросить на информатику, тем более что в школе у нас и компьютеров не было. Я лишь трижды работал на компьютере, для этого наш класс водили на экскурсию в "полтинник". А когда анкету в институте заполнял - написал, из глупого желания "не отстать от соседа", что стаж работы за компьютером у меня - три месяца. И хочешь-не хочешь, надо было соответствовать. Программирование на языке Бейсик.

Вместо неорганической химии у нас началась аналитическая. Это вот что: намешают в пробирку всякую пакость, самые разные вещества - и надо определить, что именно туда намешано и в каком количестве. С помощью разных реактивов, которые применяют последовательно, один за другим. А потом йодное титрование делают из бюретки - стеклянной палочки с делениями. Вела ее та самая кругленькая бабушка, что была у меня репетитором. Была и химия органическая ("А у вас в лаборатории спирт есть? А где он стоит?").

По физике началась оптика, и мы изучаем поляризацию света, интерференцию, определяем показатель преломления вещества. Через микроскоп на капельку глядим, и все такое...

Очень смешная вещь произошла на электротехнике. Вел предмет молодой преподаватель, неуверенный в себе и желающий самоутвердиться. Трудненько же ему пришлось! Рисуем всякие соединения "звездой" и "треугольником", которые надо рассчитывать с комплексными числами, записываем принцип работы трехфазного двигателя, про ферритовые щетки и все прочее. И вот - перемена. Препод ушел. Скучновато.

Вдруг появляется в дверях здоровенный "шкаф" с золотым зубом - наш одноклассник Стас. И ведет в аудиторию матерую овчарку, желто-черную, лохматую, с подпалинами. Что тут началось! Все ее ласкают, а девочки даже и кормят. "Ой, какая миленькая!" Наконец, восторг стал стихать. Желая повеселить аудиторию, Стасик и говорит: "А там на улице еще одна есть!" Привел и вторую собаку. Псы в проходе сидят, между рядами парт. Лапой за ухом чешут. Хрустят конфетами. И тут выцаряется молчание. Преремена заканчивается, сейчас преподавернется, надо собак выводить - а никто не хочет, все боится встретиться с ним в дверях. И дождались. Он вошел - а в проходе две собаки. Ясно, что он это воспринял как личное оскорбление:

-А это что еще такое?

- А это новенькие! Тоже учиться хотят. Ха-ха-ха!

- Ну... Ну... Я в таких условиях читать не буду. А на экзамене буду спрашивать! И с вашими любителями животных разбейтесь сами!

Ушел, хлопнув дверью. Так освободилось у нас полтора часа, и мы гуляли на аллейке перед институтом. И весело, и страшно за будущее. Как там на экзамене будет?

Началась у нас и философия, в основном - теория познания. Тогда философию еще не превратили в окрошку, в служанку интересов буржуазии и властей. То, что называют "этика и нормы морали" - это просто приводные ремни для управления массами. И находятся эти ремни в руках у циничных аморальных мерзавцев - чиновников и буржуев. У нас такого предмета не было. А были - основы немецкой классической философии. Гегель, Фейербах, Маркс. И очень много места отводилось теории познания - мы же будущие ученые! Учили таким понятиям, как "восприятие", "чувства", "разум" и т.п. "Нет ничего в разуме, что первоначально не было бы в чувствах". Объект - это "черный ящик". И все такое. Нужный был предмет. После революции его конечно опять сделали умным и отточенным логическим инструментом для науки и техники. Только придется для этого кое-кого, а особенно религиозных философов и мистиков... Нет, на этот раз - не сажать на философский пароход. Это, как выяснилось, паллиатив. Лучше будет вспомнить 1793 год. Выбирайте Guillete Slalom Plus. Первое лезвие бреет чисто, второе еще чище. Шутка.

***

В это время газеты много писали о российско-японском кризисе, связанном с "проблемой Курильских островов". Япония потребовала их обратно, надеясь использовать ослабление России

элитой" есть все признаки "социального расизма": это причисление людей труда к духовно, политически, социально, экономически неполноценным. Непризнание их прав на человеческое достоинство, лишение возможностей для развития, иногда даже и существования, оправдание и проповедь нищеты и бесправия для этих "неполноценных" слоев. Но это же безумство, господ! Подчеркивание авангардной роли рабочего класса было реакцией на социальный расизм властей к простонародью, существовавший до революции. Неужели вы хотите повторения?". Таков был "Наш Выбор".

Под таким же названием, с тем же тиражом, выходило и замечательное издание в Нижнем Новгороде - но оно было под контролем РКРП. Это была, по тем временам, образцовая рабочая газета. Беспощадная критика не только ельцинских "демократов", но и прогнившей бюрократии КПСС, призывы к рабочему самоуправлению, материалы о стачках и т.п. занимали в ней 80% места. Однако проблемами рабочих газета не ограничивалась. Писалось там, к примеру, и такое: "Женщины России! По вине правящего ныне режима цены на продукты достигли астрономических высот, на очереди - новый взлет "свободных" цен на хлеб и молоко. Плакали надежды очередников на получение новых квартир. Цена на квартиру на свободном рынке - от миллиона рублей и выше. Из миллионов людей делают быдло, вводя платное обучение для элиты и тем отсекая от образования миллионы россиян. В аптеках нет необходимых лекарств, в больницах нет инструментов. На грани остановки многие заводы, сотни тысяч рабочих и служащих под угрозой увольнения и безработицы... Скажем "нет" преступным экспериментам над людьми и вашими собственными детьми!" Такой ситуация и была. Но "демократические СМИ" - газеты реставраторов капитализма - об этом, естественно, молчали.

***

Первого сентября 1992 года я уже второкурсник, и начинается у нас учебный семестр. Стипендия моя была в то время пятьсот рублей. Появление сотенных "гайдарок" при раздаче стипендии, вызывало у студентов телячий восторг. Как же, их родители всю жизнь получали двести, а они - не успели сесть за парту, уже пятьсот. Это был какой-то клинический идиотизм, и сколько я не объяснял про инфляцию и покупательную способность - эйфория не прекращалась. Потом, когда стипендию начали уже в сумках носить из-за ее размеров, а ценники украсились пятью нулями - стали по-другому к моим предупреждениям относиться. Возникла пассивная симпатия. "Вы делайте - мы не против, если у вас получится!" И то хорошо. Атмосфера веселее. Больше вероятность найти единомышленника.

Кстати, о вероятности. Сменилась учительница по математике. Вместо придиричивой Майи Федоровны, преподававшей дифференциальное исчисление, появилась башкирская бабушка, читавшая нам теорию вероятностей. Говорила она довольно невнятно, с характерным акцентом ("Икэса, игэрэка. Говори щетко.") - но была куда более снисходительна к нашим ошибкам. Изучали мы всякие задачи про стрелков: "какова вероятность, что стрелок попадет в мишень с двух выстрелов", и так далее. Я задумался о проблеме вероятности и детерминизма. Все ли предопределено? Вообще-то, для любого процесса можно построить график, где времени Т соответствует событие А. Или его величина. А раз можно построить график, то и функцию его можно вывести. И экстраполировать на будущее. О детерминизме я впервые подумал в 8-м классе, когда нас распекали на собрании, за то что ребята разгромили, в отсутствие учительницы, кабинет биологии. Сорвали карниз со шторой, перебили стекла в шкафах, стреляя из рогатки. Жеванной бумагой заплели пол. Мальчики из трубочек плевали в аквариум, целясь в рыбок, а сердобольные девочки пытались рыбок накормить плавленым сыром. "В аквариум натолкали сыра, риса!" - гневно кричала потом классная... От такой комбинированной заботы рыбки всплыли вверх брюхом. И наш класс собрали, вместе с родителями, пропесочивали два с половиной часа. Я глядел отстраненно - меня это не касалось, в разгроме я не участвовал. Но когда реплики учителей стали уже совсем оскорбительными, то я подумал: "А ведь поведение хулиганов обусловлено обществом. Они не виноваты. Ведь нет следствий без причин, наука учит, что все обусловлено детерминизмом. А значит, понятие "вина" нелепо. Есть только целесообразность." Бессознательно я повторял доводы юристов, отменивших в 1918 г. само понятие "вина" и заменивших его "революционной целесообразностью". Но не знал о том. И вот опять - вопрос о детерминизме. Есть над чем подумать.

- Если такое случится, я возьму автомат, и лично поеду в Ельцина стрелять. А пока надо защищать демократию и нашего президента.

В сентябре 1993 года я напомнил ему о его словах, но он почему-то в Москву не поехал. Такая вот беспринципность. Однако другие демократы, без кавычек, действительно были у Белого Дома и в 1991, и в 1993 году. Я не разделяю их ослепления "чистой демократией", но глубоко уважаю.

Ужасные тираны из ГКЧП очень отличались в моральном плане от благородного демократа Ельцина. Они не решились применить танки и расстрелять Белый Дом, хотя имели для этого все возможности. И с 20 августа произошел перелом. Тысячи раз уже описаны эти события, кто хочет, пусть в энциклопедии посмотрит.

Когда мы смотрели вечером новости, то переглянулись с отцом, потому что в головы нам пришла одновременно одна и та же мысль. И мы вскричали в два голоса: "Это подстроил Горбачев!". Так же единодушно, в один голос и не сговариваясь, я и все мои друзья в 1999 году, наблюдая по ТВ рушащиеся здания в Москве и Волгодонске, воскликнули другую фразу: "Рейхстаг горит!" - сразу, до появления всех разоблачительных эмигрантских книжек. Но в 91-м подобное было еще в диковинку. И тогда же я понял психологический механизм отталкивания от себя "простыми людьми" такой трактовки событий - единственно верной трактовки, основанной на древнеримском принципе "Qui prodest?", "Кому это выгодно?"...

Тут же после нашего вскрика, мама недоуменно посмотрела на нас. Отец торопливо пояснил:

- Ну, он сказался больным, сказал им: "делайте, ребята" - а я, если у вас получится, вернусь в Москву на белом коне, как победитель, когда все уже будет кончено.

Я же прибавил:

- А если не получится, вернется увечанный лаврами мученика, арестованного путчистами, и тоже внакладе не останется.

Мама пожала плечами, и медленно протянула:

- Ну, это уж вряд ли... Неужели человек может быть таким коварным? Ведь его же потом совесть замучает. Не сможет он смотреть людям в глаза...

Верно писал Л.Д. Троцкий в своей статье "Негодяй": "У людей много добродушия и наивности, и они склонны думать: "Нет, на это он все же не способен"... И они ошибаются: ибо он на все способен. Завтрашний день расскажет про него то, чему многие еще не хотят верить сегодня. Наивные люди, остерегайтесь Негодяя!" Не хотят верить - потому что судят по себе, проецируют свои качества, свою мораль и психологию на главу государства. А можно ли так делать? Ведь чтобы стать этим главой, надо было пройти долгую аппаратную карьеру, с подсиживанием, предательством друзей, безответственными решениями, попранием всех и всяческих принципов, политических и моральных. Это если человек делал карьеру в чиновничьих кабинетах. А если он делал ее в политической полиции, то его качества тысячекратно хуже, ибо каждый шаг вверх был прямо связан с государственным насилием...

Итак, защита Белого Дома продолжалась до 21 августа, и закончилась победой Ельцина. Погибло при этом три молодых парня - они были раздавлены гусеницами танков. Сравните с той горой трупов, которую наворотил сам Ельцин в 1993 году, когда принималась нынешняя наша конституция. Помните, у Солженицына: "Так восходило солнце нашей свободы". Но об этом - в третьей книжке будет. А кто не хочет ждать ее появления - прочтите мемуары Владимира Платоненко "В ночь с двадцать первого на пятое" - это действительно история, а не какое-то фуфло. Хотя и нашим там досталось, да все равно я лучшего описания не читал...

А пока, в августе девяносто первого, толпы на ночной Лубянской площади с визгом и улюлюканьем ломали памятник революционеру Дзержинскому, не тронув здание политической полиции. Тоже по Солженицыну, видимо: "Это как раз НЕ ТА была государственная машина, которую надо разрушить". Начиная трудный путь страны к демократии, которая лишь в 2000 году победила "полностью и окончательно". То есть так, как указывал товарищ Сталин.

21 августа Горбачев вернулся из Крыма в Москву, и сказал судьбоносную фразу: "С этого дня мы живем в другой стране". Подозреваю, что если бы в апреле 1985 года советским гражданам показали один единственный новостной репортаж из жизни этой "другой страны", года примерно 1998-го, то самые горячие адепты перестройки высypали бы из домов, и по всем улицам развешали бы портреты Робеспьера, Ленина и Троцкого. На стенах - портреты, а на фонарях...

Впрочем, я замечтался. Члены ГКЧП были арестованы и отправлены в тюрьму "Матросская тишина". На следующий день, чтобы избежать ареста, покончил с собой министр внутренних дел СССР Борис Карлович Пуго.

Так хитер был Михаил Сергеевич, что самого себя обманул... И вместо "возвращения на белом коне" пришлось ему 24 августа сложить полномочия генсека и призвать к самороспуску партии. А кто не желает самораспускаться - для тех Ельцин издал указ о роспуске КПСС. На партийное имущество и архивы был наложен арест.

И тут же Белоруссия и Молдова провозгласили независимость... Процесс пошел.

***

Но политика политикой, путч путчем, распад распадом - а жизнь продолжается. И надо мне готовиться к учебе в институте. Ведь с переломами в жизни страны и мира совпадали переломы в моей биографии.

28 августа я пришел в Нефтяной институт, пока еще в чужой и незнакомый, чтобы около технологического деканата, на пятом этаже, выписать первое в жизни студенческое расписание. Теперь ведь я первокурсник, а семестр начинается с первого сентября. Но почему-то с утра уже я себя чувствовал неважно. Думал сначала, что это от стресса после заварушки августа, но потом склонился к мысли, что простыл. И ведь как стало плохо! Дышать нечем, теснит в груди, и даже координация движений нарушена! Спотыкаюсь. А тут началось еще и головокружение, да такое, что за стены хватался. То испарина, то холод продирает, в глазах черные круги скачут. Что за напасть? Добрался еле-еле до расписания - вроде отпустило. У деканата стоял здоровенный амбал из будущей нашей группы ТБ-91-01. Бронников. Его на втором курсе потом отчислили за неуспешность, а пока он выписывал расписание. Расспрашивает он меня о каких-то мелочах, а я чувствую - опять приступ навалился, и запись в моей тетрадке пошла корявыми буквами вниз. Когда я запись завершил, уже не мог ни говорить, ни слушать. Пришла еще и боль в почках. Сгибаясь, я добрался еле-еле до кресла в конце коридора, упал на него. Лежал часа полтора, затем вновь отпустило - и я добрался до дома. Температура у меня, оказалось, была за 38. Что же это такое? И опять приступ, да хуже прежнего.

Как потом выяснилось, мог и умереть - а спасло меня то, что в конце августа для подкрепления сил делали мне капельницы с глюкозой. В начале августа, будучи в этом чертовом саду, заразился я мышинной (геморрогической) лихорадкой. Когда сделали анализы - это выяснилось. И вместо студенческой аудитории, пришлось мне ехать на "скорой" в восьмую больницу. А там начался новый приступ - и я потерял сознание. Много страшных событий происходило в стране, пока я в больнице лежал, в полубмороке. И народ, наверно, так же себя чувствовал - лежал, а над ним что-то творили, мудрили... Уже половину туловища отъели, как у динозавра - а он все понять не мог, что это с ним. Массовая инерция мышления была могучим союзником Ельцина. Все уже по-новому, Украина, Прибалтика, Средняя Азия - это уже за граница, да и Чечня объявила о полной независимости. Старой власти нет, новая слаба, законы не приняты - прав тот, у кого деньги или автомат. Первообытный лес, и в нем бродят хищники. А народ - все еще не понимает.

Открыв глаза, я обнаружил себя лежащим на узкой кровати, в мою вену воткнута была игла, а через нее капал соляной раствор - гемодез. Болели почки. Еле-еле стал я приходить в себя, и уже мог вставать с постели. Больница была перегружена, пациенты лежали в коридорах. А в моей палате признанным лидером был бравый старик, бывший офицер, участник войны. Дядя Сема Боксер. С ударением на первом слоге. Ему все больные беспрекословно подчинялись, и врачи его тоже побаивались, так что он играл роль старосты. Настроение он у всех поддерживал, чтобы не падали духом. И очень любил рассказывать, с характерным местечковым акцентом, как в начале тридцатых довелось ему жить в Польше, при пане Пилсудском. Этот польский диктатор был, по его мнению, "голова". Но все же дядя Сема перебрался в СССР и воевал на стороне Красной Армии, причем дошел до Берлина. И вот теперь страна, за которую он воевал, развалилась. Это было уже ясно, хотя договор в Беловежской пуще еще не был подписан.

Все это так далеко от сегодняшнего дня, что молодежь, после Ельцина выросшая, не может ощутить нашу боль от происходящего - для нее ведь республики СССР уже за граница. Так вот представьте мысленно, ребята, что от России вдруг отделилась не только Чечня, но и Башкирия, Татария, Удмуртия, Сибирь и Челябинская область. А то что осталось, назвали не Россия, а например Московия. И ввели совсем другие порядки, чем были прежде - скажем, вместо иконы

Кадыровым. Сам Джибунов в то время работал в этом банке начальником отдела внешних связей, и выступал иногда на собраниях Соцпартии. Такие вот метаморфозы.

Другим из бывших партийных бонз КПСС был Александр... скажем, Арийцев, издававший газету "Отечество" и возглавлявший национал-патриотическое общество "Русь". Никаких контактов с левым движением он, в отличие от своих коллег, поначалу не имел. Он демонстративно порвал с коммунизмом, а его газета призывала к переименованию улиц Крупской и Достоевского в Тюремную и Жандармскую, восхваляла белогвардейцев, и вообще поначалу была черносотенной. Зигзаги Арийцева примечательны. От боевого национал-патриотизма он, когда это стало выгодным, перешел к умеренному национал-демократу Сергею Шахраю в Партию Российского Единства и Согласия, затем - к ельцинскому премьеру Черномырдину в официозный "Наш дом - Россия", безуспешно боролся за кресло президента Башкирии, после этого - поддерживал демократов из "Яблока", и отчасти коммунистов из КПРФ, а уж затем - круто повернул и влился в правящую партию "Единство". Очень "принципиальный" политик.

Конечно, на фоне Арийцева такие люди как Джибунов, Мухраков и Судаков казались образцом порядочности. Все познается в сравнении... А с Гришей, сыном Судакова, я даже подружился. Он был ровесником и другом Красного Принца, то есть был младше меня лет на семь.

***

Естественно, времяпровождение Принца и Гриши Судакова отличалось от образа жизни их отцов. Принц в то время был романтиком, и копировал поведение Крестного, но делал это слепо, теорией он не увлекался. Однако во всех практических акциях он исправно участвовал, следуя примеру своего отца. А однажды был даже задержан, вместе с сестренкой, за расклейку коммунистических листовок. Впрочем, милиция тогда детей отпустила. Он посещал митинги и даже высказывал свои мысли о социализме, впрочем довольно наивные. Был он, кроме того, заядлым туристом и большим поклонником авторской песни.

В свободное время - каникулы у меня начались 30 июня - любили мы сидеть на территории глазной больницы, "десятки". Тогда она не охранялась. Больница это была знаменита, ибо в ней работал известный офтальмолог, специалист по трансплантации глаза Эрнст Мулдашев. Он был депутатом Верховного Совета РФ, и о нем еще пойдет речь.

Мальчишки частенько забирались через забор в "десятку", а точнее - в "комнатушку". Это была комната без двери, проемом выходящая на улицу. Но входной этот проем был скрыт от глаз публики прилегающими гаражами, и знали о "комнатушке" немногие. Иногда залезали туда Принц и Гриша, а вслед за ними - я. К сожалению, в наше отсутствие наведывались туда и наркоманы. В тот период Уфу захлестнул вал опийной наркомании, центром ее стали "цыганские дворы" на ул. Вологодской. Поймите меня правильно - я не ксенофоб, и хорошо отношусь к цыганам. Просто исторически это место называлось так. Ну так вот - в "комнатушке" частенько валялись одноразовые шприцы. Но мы наркоманами не были, и укрывшись в ее беленых стенах, разукрашенных углем, мы мирно распивали безобидную "Фетяску", да и то редко. Чаще всего я просто слушал, как Принц и Гриша играют на гитаре. Я любил печальные баллады Виктора Цоя, а Принц - песню по мотивам Алесандра Грина, о юной Ассоль. Начиналась она словами "зацветает синий Зурбаган...". Впоследствии вокруг Принца собралась компания подростков - туристов. Он пытался их агитировать в социалистическом духе, но не особенно успешно. Надо ведь знать, за что ты агитируешь... У Гриши Судакова был огромный свирепый черный ризеншнауцер по кличке Мрак. Эту собаку потом отдали пограничникам.

***

14 июля, во вторник, вышел первый номер газеты Соцпартии Башкирии - будущей местной КПРФ. Издание называлось "Наш Выбор". Тираж его был 5000 экз. Редактором его, как я уже говорил, был бывший заместитель главного редактора "Вечерней Уфы". Вот несколько строк из первого обращения к читателю: "Дорогой товарищ! Не замечал ли ты, перелистывая десятки газет и читая сотни репортажей про презентации и банки, НЛО и экстрасенсов, пробегая сотни строк милой и забавной чепухи - не замечал ли, что тебе недостает простого и бесхитростного рассказа о том, как живет сегодня простой рабочий, крестьянин, пенсионер, студент; почему бастуют учителя и врачи, что ожидает их в будущем; сколько детей лишились детсадов, как работают школы и больницы, что ожидает людей после массового сокращения на предприятиях и нового витка цен? Если не замечал, то восполнить этот пробел постарается наша газета..." И вот что еще писал редактор в этом первом номере: "Мне представляется, у возомнивших себя "духовной

- Не бросай пока... Но ты пойми, если останется Ельцин - тебя все равно из института вытурят, а потом и посадят! Не при Ельцине, так при его наследниках. Если, конечно, ты не откажешься от себя самого и если продолжишь борьбу против режима...

Что и говорить, слышать такое было очень утешительно. В июле 2003 года мне еще довелось вспомнить эти слова... Но тут я уж забежал очень далеко вперед. Так что вернусь к нашему заданию.

Дома у Крестного мы прикрепили к флагштоку шестиметровое красное полотнище, заранее купленное для этой цели. А радио на кухне возвещало о том, что Ельцин и Буш договорились о сокращении вооружений. На этот период приходилась угодливая по отношению к Западу деятельность министра иностранных дел Козырева, получившего прозвище "мистер Да". Наблюдая за российскими политиками того времени, я часто вспоминал слова Юлиана Семенова: "Людам, лишенным истинной общественной идеи, свойственна некая гуттаперчивость совести... Мы знаем, какой разгул предательства возникает после государственного краха".

Я и Крестный жадно ели бутерброды с чаем, и слушали реляции о спешном выводе советских войск из республик бывшего СССР. При этом были брошены горы оружия, и тут же вспыхивали межнациональные войны. А еще Крестный читал мне газетную заметку о том, как в Стерлитамаке рабочие раскупили и съели кошачий корм "Вискас", приняв его за мясные консервы, а изображение кошки приняв за эмблему пищевой фирмы. В тот период импортные товары еще не сопровождались инструкциями на русском языке. Читая о таких вещах, не знаешь, плакать или смеяться - но это было приметой того странного времени. Советские люди были вброшены в капитализм, ничего о нем не зная...

Наконец, для поднятия флага все было готово. В полночь, 21 июня, за мной заехала машина Вожака. Сидели в ней Вожак, еще два человека и Крестный. Самый воздух этой ночи был, казалось, пропитан революционной романтикой. Сторожа на стройке, слышав подозрительный шум, трусливо забились в свой вагончик. В стране был тогда разгул преступности, и с бандитами никому не хотелось иметь дело. Откуда охранникам было знать, что в гости к ним заехали вовсе не бандиты, а благородные борцы за светлое будущее человечества? ... Флаг вознесся на многоэтажке. Он был виден со всех концов города, ибо нынешних небоскребов в Уфе тогда еще не было. Удостоверившись в том, что флаг закреплен прочно, Вожак позвонил из телефонной будки в редакцию газеты "Советская Башкирия", и предупредил журналистов о сенсации. В шесть утра приехали корреспонденты, а в десять - флаг сняла милиция. В "Советской Башкирии" появилась на первой странице заметка о том, что в годовщину начала войны СССР против фашизма над "Алисой" был поднят красный флаг. "...Кто его повесил и кто снял, осталось неизвестным" - писала газета, и эти строки вызывали многозначительные улыбки посвященных. Кстати, другие активисты РКРП не подозревали о том, кто конкретно участвовал в этой акции. Они увидели только результат - газетную заметку.

***

От ярких акций подобного рода - тут была и "заборная война", т.е. ночное расписывание стен коммунистическими лозунгами, и расклейка на улицах анпиловской "Молнии", листовочные кампании и много чего еще - приходилось возвращаться к серым будням. Завершалась перерегистрация коммунистов. Быть может, в других районах это было иначе, но в нашем всю работу в этом направлении сделали мы - активисты РКРП. И тем обиднее было наблюдать, как плодами наших трудов пользуются бюрократы из Соцпартии, да и просто из бывшей номенклатуры КПСС, до поры до времени спрятавшие в сейфах партбилеты. Такими номенклатурными работниками был товарищи... скажем, Мухраков и Судаков, возглавлявшие прежде райком КПСС.

Мы с Красным Принцем обзванивали из моей квартиры по списку всех коммунистов, нами зарегистрированных, и приглашали их на собрание в ДК Орджоникидзе. При этом иногда Принц хулиганил. К примеру, позвонив некоему Банюшину, он издевательски протянул в трубку: "Алло? Это Ба-ню-шин? Да? Бааюшки-баю!" - и получил от меня головоломку за несерьезное отношение к серьезному делу.

Как бы там ни было, именно мы собирали людей - а председательствовал на собрании Мухраков, а выступал на нем - Хабибуллин. Впрочем, у них в руках был "административный ресурс", как сказали бы сейчас. В левой среде ходили слухи о том, что последний секретарь обкома КПСС Игорь... скажем, Джибунов - не отдал 7 миллионов партийных денег в руки ельцинской администрации, а упрятал их в банк "Восток", возглавляемый бизнесменом

заставляют поклоняться статуе черта с рогами. В это надо долго вживаться, и обладать богатым воображением... Понять легко, но надо и почувствовать.

Так вот, дядя Сема очень остро чувствовал эту обиду за свою жизнь, которую под занавес лишили смысла.

- Эх.. - вздыхал он, усевшись на койке и листая газеты - Что творится, боже ж мой! Западные империалисты гладят себе животике - им хорошо, что у нас плохо!

Очень точная оценка международного положения. Буржуи обрадовались настолько, что всерьез говорили о "конце истории", вечности капитализма.

Столь же метко определил дядя Сема и положение простых людей при новом режиме:

- Что нам делать? Воровать нельзя, и честно жить - тоже нельзя. А что же тогда можно??

Этот недоуменный вопрос повисал в воздухе.

Но не все относились к событиям так, как старый офицер. В нашей палате лежал парень лет двадцати. Кооператор. Если не убили его в криминальных разборках, и не разорился он при "шоковой терапии" - то стал, наверное, крупным бизнесменом. Вероятность этого велика. Процента два.

- Совки воюющие! - яростно шипел кооператор - Делать ни черта не умеют. Я вот видел американскую пасту зубную - как сделана! Как сделана!! Три полоски вылезают из тюбика, и все разных цветов. Вы представляете - разных цветов!!! Белая, синяя и красная! А у нас? Что ни возьми - все через пень колоду. У, совки... Голодные сидят? Так им и надо! На большее не заработали!

Частенько дядя Сема обрывал это шипенье раскатистой командой: "Молчать!". Тогда пионер свободного рынка покидал нас. Он спускался в скверик, и курил косяки. Коноплю ему пуляли в посылках. Думаю, он все же не стал крупным бизнесменом - образ жизни не тот. А один раз дядя Сема, со своим командным голосом, заставил эту контру ввинтить лампочку в плафон. Кооператор делать этого не хотел, и ворчал что "ему за это не платят" и что его "никто не заставит". Как ни странно, семидесятилетний дед сломил упорство двадцатилетнего юнца. Воля фронтвика оказалась сильнее.

Лежа в больнице, я пытался выполнять институтские задания, которые мне приносили родители. Читал учебники, методички. Но все равно очень отстал. А тут еще газеты отвлекали. Взрыв негодования вызвала у меня весть о переименовании Ленинграда обратно в Санкт-Петербург. Даже не в Петроград, а именно в Петербург - это выдавало симпатии новых властей к монархии, а не к буржуазной демократии. В том же ряду стояло повсеместное использование двуглавого орла - в коронах, со скипетром и державой. Это тоже символы царизма. После Февральской демократической революции орел остался гербом России, но скипетр и короны убрали. А сейчас их вернули. Хороши "демократы"... Ну, прохвосты! Читатель скажет: "Мелочь, символика. Стоит ли так кипятиться насчет Мавзолея, Петербурга или какого-то герба?" Не мелочь! Символика - это гущенная политика. И если на щит герба поднимают средневековый хлам - скоро и в жизни мы ощутим это варварство. На своей шкуре.

Конечно, газетная писанина действовала угнетающе, обстановка в больнице - тоже. Но все же лихорадка отступала. Наконец, я избавился от нее, и пошатываясь от слабости, вышел на занятия в институте.

***

Да, выйти я вышел. Но ведь я пропустил весь подготовительный период, другие студенты приспособились к ВУЗовской жизни - а я опять в роли новичка. Опять чужие лица вокруг. Что ты будешь делать! Было мне четыре года - переехали мы из дома 44 в новую обстановку, отучился первые два класса школы - и опять переезд, опять я в новом окружении, до пятого класса доучился - и опять то же самое, в девятом классе наш "В" расформировали и меня сунули в чужой класс "Б", потом обрушилась школа и нас перевели в здание ПТУ, а теперь еще и студенческая группа чужая - она уже "продвинутая", а я только пришел. И все это на фоне перестройки, распада Союза. Бедлам какой-то!

Хочешь - не хочешь, учебу надо нагонять. Объясню по-простому, что у нас была за специальность. Если не любите голову грузить учебой - пролистните. Но я постараюсь кратко.

Будущая специальность моя - биотехнология. Это наука о том, как с помощью микробов - бактерий например, грибов, дрожжей - производить на предприятиях всякие продукты. Ну там, искусственный белок, витамины, ферменты, кислоты и так далее.

Для этого надо знать три вещи. Во-первых, биологию - то есть как устроены микробы, какие химические реакции внутри них происходят. Во-вторых, технологию: как организовать предприятие, как строить его цеха и установки, как снабжать их теплом и энергией, как обеспечить наибольшую производительность установок и цехов, их безопасность в обслуживании, экономическую прибыльность производства. В-третьих, знать химию: как получать, сгущать, перегонять по трубам и химически преобразовывать различные вещества.

Выходит, каждый из нас - технолог, химик и микробиолог одновременно.

Но каждый технолог должен знать математику и программирование для ведения расчетов. Знать физику и механику, чтобы его установки не опрокинулись. Знать электротехнику и теплотехнику. Уметь чертить. Он должен знать, какие процессы происходят в аппаратах с эмульсиями, суспензиями и газами, какие аппараты применяются в производстве, как обеспечить охрану труда работников, как проектировать цех, какие датчики позволяют наблюдать за производством.

Химик должен знать общие химические законы - скажем, устройство атома, определение скорости реакций и т.п. Знать свойства неорганических и органических соединений. Особенно таких, из которых состоят живые организмы - белков, жиров, углеводов и витаминов.

А микробиолог обязан знать не только строение веществ, из которых построены живые клетки, но должен представлять и реакции, которые в них протекают, и ту сложную систему ферментов, что этими реакциями "дирижирует" в живом организме. Будущие врачи в мед. институте тоже все это проходят, и я мог с ними беседовать "на одном языке". Просто им эту биохимию куда глубже надо знать, чем нам... И ведь живая клетка - это не пробирка с химическим раствором. Она состоит из органов. Ядро, органеллы, мембраны... Так надо знать эти органы и их функции. У каждого вида микроорганизмов эти органы разные. Дрожжи построены так, бактерии - иначе...

Вот эти все вещи: технологию, химию, микробиологию - мы и должны хорошо знать. А кроме того, мы ведь должны и разговор на общие темы уметь поддерживать, мы же не только инженеры - мы еще люди и граждане страны. Поэтому давали нам и философию, историю, политологию, английский язык - но это были не главные предметы.

На первом курсе были "базовые" лекции: математика (только не это опять!), физика, химия, английский, инженерная графика (черчение то есть), информатика и "социально-политическая история" (раньше она называлась "история КПСС", первый год как переименовали). По математике задают контрольные, а я отстал. Что же делать? Надо нанять репетитора, чтобы мне объяснили про всякие параболоиды, матрицы и векторы. Математики как-то фанатически относятся к своему предмету. Ну, я понимаю, что можно влюбиться в логическую стройность формул - но когда их еще и постоянно повторяют, как это не надоест? А востроносой, худой и низенькой бабушке, Майе Федоровне, которая у нас вела - не надоедало. И все ее как огня боялись, а я тем более - отстал ведь. Мой репетитор, аккуратно одетая, красивая и веселая молодая математичка, с певучим голосом и присловкой "Это фантастика!" - тоже наводила страх на нерадивых студентов. На своих. А я всегда с удовольствием ждал ее прихода. И не только потому, что она хорошо объясняла - у нас было, я бы сказал, идейное единство. Помню, она спросила, оглядев мою комнату:

- Почему у тебя на всех стенах наклеен Ленин?

Я ответил:

- Потому, что его в газетах несправедливо ругают.

А математичка была, как мама выразилась, "дитя социализма" - и потому меня сразу же поддержала, сказав что клеветают на Ленина недалекие или корыстные люди.

Майя Федоровна тоже была человеком старого закала, но это скорее относилось к этике. Помню, с каким возмущением она рассказывала нашей группе:

- Подвез меня на автомашине один мой бывший студент. И - представляете себе! - не погнушался взять денег !!!

На что Бронников, сидевший рядом, нагнулся к моему уху и цинично бросил вполголоса:

- Подумаешь! Я тоже с нее деньги взял бы.

Тут он покосился на меня. Я тогда еще не был искушен в интригах, и не понимал, к чему он клонит.

- А что вы предлагаете? - недоуменно спросил я

- Что я предлагаю? Погоди, вот эту ветку мы и срубим... - сказал он и начал продирается сквозь бурелом к нужному деревцу. Под ногами трещали сухие сучья. - Я, вообще-то, ничего... Но просто думаю, как нам лучше построить работу. К примеру, у нас вот недостает литературы. А ведь есть много других компартий, не только ангильовская. Что это за монополия такая? Так вот, надо бы списаться с Москвой и выпустить коммунистическую прессу разных направлений. Тогда вместо сотен экземпляров у нас будет несколько тысяч.

- Хм... - задумался я - Но ведь у этих партий и программа другая. Не будет ли распространение их прессы предательством нашей партии? Ведь люди переключатся под влияние других лидеров, и наша партия потеряет популярность...

Надо сказать, я тогда до смешного верил в "принцип большевистской партийности".

- Ты не понимаешь. - ответил Крестный, рубя ветку топориком - мы же не хотим в эти партии переходить. Мы лишь сделаем вид, что их поддерживаем, а сами нанесем на их газеты свои местные выходные данные, и люди все равно придут к нам. В нашу партию. А то, что сейчас делает Вожак - недостаточно и неэффективно. Да и нам самим надо расширять свои знания. Вдруг газеты других партий содержательнее, чем наши? Можешь ты это допустить?

- Да как же вы можете говорить такое о Вожаке? - воскликнул я, забыв о конспирации и переходя с полупшепота на нормальную громкость - Как это так - "неэффективно"! Если он неэффективен, то кто же эффективно? И вообще, что это за подковы? То под партию, то лично под Вожака...

- Да погоди ты - перебил Крестный, принимаясь рубить вторую ветку - и перестань орать, а то лесник придет и оштрафует. Какие тут подковы? Мы ведь одно дело делаем, идея у нас одна, и партия одна. Я просто говорю, что если умело взяться - можно и газеты добыть, и деньги, и множительную технику. Народ нищает, от болтовни он устал, и популярны будут те, кто что-то делает реально. Карает конкретных мерзавцев, например. Кругом бандиты, само государство расплодилось рэкет, а мы должны, по-твоему, революцию в белых перчатках делать? Если бандитам все удастся, то почему нам не удастся? Ты про Камо читал? Про тифлисского боевика-экспроприатора? Вот был - герой революции! Вот тебе пример.

На это, конечно, ответить было нечего. Камо - вне критики, а если его ругают СМИ, то над ним начинать уже сиять ореол. Так что я молча кивнул в знак одобрения.

- Так... - ободренно продолжал Крестный, собирая и по-хозяйски связывая веревкой срубленные ветки - Ты, выходит, согласен, что от власти они добровольно не откажутся? Значит, надо нам заняться акциями прямого действия. Такими, как нынешняя. Выходит, и людей надо подбирать лихих, на все готовых. Вот если ты мне не идешь десяток молодых и отчаянных... как ты по научному называешь? "Люмпенов", во! - тогда мы тут развернем такую борьбу, что у этих буржуйских гадов земля под ногами запылает!

- Но ведь за это можно и сесть - хмыкнул я.

- Этого никто из нас не избежит, что ты волнуешься - нетерпеливо, как очевидное и давно решенное, констатировал Крестный, разворачиваясь обратно к лестнице и подхватив вязанку веток. - Если строй меняется, а мы его не приемлем - нас всех рано или поздно пересажуют. Тут или пан, или пропал. Ты неужели не читал о профессиональных революционерах? Я вот тебе книжку про Якова Свердлова дам.

- Ой, да неужто я про Свердлова не знаю. Мне вон бабушка про Николая Баумана книжку подарила, когда я еще во втором классе учился. "Грач - птица весенняя". Хотите, кстати, я ее вашему сыну принесу почитать? Я понимаю прекрасно, что нас посадят. Главное, чтобы не напрасно...

- Ну вот, хорошо что ты это понимаешь, и делаешь все сознательно. Кстати, придет момент - и нам тоже понадобятся революционеры по профессии. Ты не держись особенно за свой институт. Если у нас будет капитализм - промышленность развалится и твоя усердная учеба все равно останется бесполезной - работать по специальности будет негде!

Тут он оказался пророком.

- Так что ж мне, бросить его, что ли?

или "дом с собакой". Эта многоэтажка не была еще завершена, однако на нее уже прикрепили рекламный щит с плутоватой собачьей мордой - эмблемой биржи "Алиса". Надо сказать, что режим тогда еще не украл красное знамя у международного рабочего движения, и не сделал его из флага бунтующей Парижской Коммуны флагом буржуазной российской армии. Наоборот, красный флаг тогдашние власти оплевывали, а людей с этим флагом девятого мая выгнали из праздничной колонны. И вот мы должны, в знак протеста, водрузить его над городом. Что ж, если социализм в нашей стране разрушен - остается следовать примеру молодоговардейцев. Я имею в виду - из романа Фадеева, а не из нынешней, прости господи, "молодой гвардии"...

Высотка располагалась у остановки Строительной. Однако предварительно нужно было разведать обстановку на стройке. Мы с Крестным приехали на место днем, в обеденный перерыв, и в затрапезных джинсовых комбинезонах беспрепятственно прошли через проходную на огороженную территорию. Ступени многоэтажки были покрыты серой известкой, вдоль них тянулись шланги для подачи сварочного газа. Строители, в большинстве своем, ушли обедать. Но когда мы добрались до восьмого этажа, то с его лестничной клетки нам навстречу неожиданно вышел человек в каске, судя по виду - бригадир. Глядя в упор на Крестного, он спросил:

- Что вам здесь надо?

"Мы пропали" - подумал я - "Сейчас нас отсюда вытурят, а может быть сделают и кое-что похуже..." Такие приключения тогда были мне в новинку. Я застыл на месте, разинув рот. Крестный же ответил хоть и косноязычно, однако незамедлительно:

- Слышь, браток... Ты это... Не видел тут Васильева из пятой мехколонны?

Подозревающий блеск в глазах бригадира тут же потух, и он, уже без всякого интереса, бросил:

- Да черт его знает... Поднимись выше, может там найдешь кого... Вообще-то у нас все на обед ушли... - и с этими словами бригадир нырнул обратно на восьмой этаж.

Поднимаясь выше, я восхищенно поглядывал на Крестного. С таким не пропадешь! Он же, не подавая виду, наслаждался и преподанным уроком большевистской находчивости, и моей реакцией на этот урок.

Наконец, мы добрались до чердака. Двери кое-где не были еще установлены, кое-где - были, но не запирались. Мы внимательно обследовали все переходы, ибо ночью предстояло по ним карабкаться. После этого мы вышли на плоскую крышу двенадцатизэтажки. Внизу по проспекту ползли разноцветные машины, но их шум не доносился до нас. Порывы ветра ерошили нам волосы, раздвигали воротники курток. Я залюбовался урбанистическим пейзажем, оглядывая Уфу с высоты птичьего полета, и чуть не забыл о цели нашего рейда. Крестный же, не отвлекаясь на непривычное зрелище, деловито осматривал выступы в кирпичной кладке и железные скобы, по которым можно было добраться до верхней точки этой высотки. План был снят. Вернулись обратно мы без происшествий.

Теперь требовалось срубить длинные ветви, чтобы сделать из них флагшток. Для этой цели мы с Крестным на другой день отправились в ближайший парк, взяв пилу и топорик. Было сумрачно, крапал теплый летний дождик. От стадиона "Нефтяник" мы спустились к реке по заброшенной лестнице. Она уже и тогда была выщерблена и оплевана, но в сегодняшнее аварийное состояние еще не пришла... Естественно, за прутьями мы топали, перебарываясь фразами. С общих тем, как например: "Что нас ждет?", "Скоро ли слетит Ельцин?", "Что еще из наших соц. гарантий осталось доломать реформаторам?" (как выяснилось позже - очень многое, и они доломали все это успешно) - мы вскоре свернули беседу на проблемы нашей организации. Оно и верно. Чем кумушек считать, трудиться - не лучше ль на себя оборотиться...

- Здорово, что Вожак нам поручает такие задания - сказал Крестный - сейчас чем радикальнее, тем лучше. Настроения людей меняются. Два года назад, когда я в троллейбусе сказал собеседникам, что по убеждениям коммунист - меня чуть в ключья не разорвали. "Коммуняки! Коммуняки! Это вы во всем виноваты! Это вы нашу Россию загубили!" - передразнил он. - Другое дело сейчас.

- Люди хлебнули капитализма, и уже прислушиваются к нам. - поддакнул я.

- Верно. Ельцин, честно говоря, на соплях держится... На одном обмане. Достаточно пятисот решительных офицеров, верных советской присяге, чтобы его убрать и захватить Кремль. Ведь одними митингами строй не сменишь... Я уж не говорю о лекциях в ДК УМПО. Это все сотрясение воздуха...

Много раз нам нудно повторяли, что мы "будущие инженеры", но это было совсем не так - мы были вчерашние школьники. И на переменках по аудитории летали бумажные самолетик. Некоторые из вчерашних школьников и школьные-то предметы плохо освоили, как сдали вступительные - не понятно.

К примеру, сидим за одной партой на физике с Пашей. Лектор по физике, Кантор, читает нам:

- Звуковые волны распространяются лишь в твердых телах, жидкостях и газах. В вакууме звук не распространяется.

Паша мне шепчет:

- Во заливаает! Я же видел по телеку - космонавт из космоса нас приветствует, а мы слышим.

Это на полном серьезе, без тени юмора. Я недоуменно смотрю, потом пишу:

- Ну он же среди воздуха говорит, а микрофон записывает и потом радиоволнами пересылает на Землю. А там динамики.

- А-а-а-а.... Тогда понятно...

Семестр начинался в сентябре, в январе были экзамены, а в начале февраля мы выходили с кратких каникул опять в институт.

Из телевизора лилась какая-то невнятная медвежуть переходного времени, разобраться в которой было непросто. Взрывались склады боеприпасов на Дальнем Востоке, ржавели подлодки, в Грузии, Азербайджане, Молдавии из советских установок залпового огня лупили по советским же городам и предприятиям, толпы беженцев потянулись в Россию из бывших республик - там началась резня, этнические чистки...

Нельзя сказать, что хороших новостей уж вовсе не было. Вот, например, 6 октября был убит фашистский бард Игорь Тальков. Я ликовал. В одной гнусной песенке он кощунственно отождествил ельцинских "демократов" с революционными демократами времен Чернышевского, призывая всем без разбору "засветить кирпичом". В другой глумился над памятью Ленина. Естественно, когда я услышал что он застрелен, то подумал: "Собаке - собачья смерть".

Но это было единственной хорошей новостью в тот период. В автономных республиках России (сейчас их называют "субъекты федерации") творилось что-то непонятное, они хотели отделиться вслед за республиками СССР. В конце октября Джохар Дудаев был избран президентом Чечни, насколько я помню - при большой поддержке Ельцина. А вот с главой российского парламента Хабсбулатовым отношения у Дудаева не сложились...

Сталинистка Нина Андреева, известная на весь Союз благодаря письму о принципах, организовала свою партию. Но я ей не сочувствовал и сталинистом не был.

Продолжалась дикая чехарда. Наконец, 14 ноября в Ново-Огареве 7 республик СССР договорились о создании Союза Суверенных государств (ССГ). Сказано было, что в него войдут Россия, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан и Таджикистан.

Телепередачи стали перемежаться рекламой, чего раньше не было. "Если любите прохладу, свежий воздух круглый год - обращайтесь на московский вентиляторный завод!" Лучше выйду подышать на Первомайскую... Начали показывать западный мультфильм про жадного капиталиста дядюшку Скруджа. Второй мультфильм был альтруистичнее - про Спасателей. "Чип и Дейл". Да, если десятилетиями пассивны рабочие, и вообще "слишком часто беда стучится в двери" - остается только "в Спасателей поверить". Из лучшей молодежи и интеллигенции. Которые конкретного Толстопуза смогли бы урезонить. Так сказать, теория героев и толпы. Спасатели хороши, но Черный Плащ тоже подходит. Помните, да? "Дым и пламя, шум и гром, дерзость и расчет... Черный рыцарь скрыт плащом, славы он не ждет. Ну-ка, прочь с дороги враг, трепещи злодей!.." Выиграет ли эта последняя ставка? Да ведь другой-то не оставляют... Rouge! Но это уж я забежал вперед.

Так вот. Как логическое завершение всего бардака, в декабре на Алма-Атинской встрече принята была декларация об окончательном прекращении существования СССР. Страна, в которой я родился и рос, учился и воспитывался - ПЕРЕСТАЛА СУЩЕСТВОВАТЬ. А "новая" буржуазная Россия имела совершенно чуждую мне идеологию, и никогда, конечно, моей страной не станет. Я - советский. А теперь, после краха СССР - "гражданин мира"! Служу нашей красной идее, а не нации. Что ж - идеи вечны, народы преходящи...

8 декабря в Веловежской Пуще подписано было соглашение об образовании СНГ. Его подписали Ельцин, Кравчук и Шушкевич. Три человека, которым воля миллионов граждан,

выраженная на референдуме - не указ. 12 декабря Верховный Совет РСФСР денонсировал договор 1922 г. об образовании СССР. Не знали еще депутаты, что их ждет.

25 декабря Горбачев заявил о прекращении деятельности на посту президента и уходе в отставку. И той же ночью красный флаг - флаг Лионских ткачей и Парижской Коммуны - был спущен с Кремля, и поднят триколор. Из названия Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, переданной в "Российскую Федерацию", исчезли не только слова "Советская" и "Социалистическая" - это еще было понятно, раз у власти буржуазные демократы. Пропало и слово "Республика". А вот это уже было заявкой на нечто страшное. На диктатуру одного лица. Эту символическую "мелочь" депутаты парламента вспомнили через два года. Когда в здании парламента начали рваться снаряды кумулятивного действия. Вот уж действительно: "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется"...

1992

Я встречал новый 1992 год в смятении, все мрачные мои предчувствия оправдывались. Второго января в республиках СНГ отменили централизованный контроль над ценами. Что тут началось! Почти всю мою прошлую жизнь, с 1974 по 1989 годы, цены и зарплаты были постоянными, как физические константы. У каждого из родителей зарплата была по двести рублей, впоследствии - 250. Буханка хлеба всегда стоила 20 копеек, так же стабильно, как вода кипит при ста градусах Цельсия. Не мудрено, что цены я помню наизусть. стакан газировки или коробка спичек - одна копейка, стакан воды с сиропом - три копейки, проезд в трамвае - три, в троллейбусе пять, в автобусе - шесть. Школьное пирожное - 13 коп., заварное - 22 копейки Я уже писал о ценах на авиабилеты (Уфа-Минск - 38 руб.), на поезд (5 руб. - Минск-Брест). Десятилетиями цены одинаковые, и они на всех товарах были фабричным способом проставлены. Продашь дороже - посадят как спекулянта. Официальный курс доллара - пятьдесят копеек. И вот цены поехали вверх, да еще как!

Для меня выражение "шоковая терапия" имеет буквальный смысл. Я зашел, после учебы, в новый магазин. Его открыли на ул. Кольцевой, у "Спорттоваров". Взглянул на витрину. И схватился руками за стену, чтобы не упасть. Мою голову будто пробил насквозь электрический разряд. Я не верил своим глазам. Моргну еще пару раз... Нет, ценник не исчезает. Какие-то дрянные блестящие солнечные очки на прилавке - стоят столько, сколько моя мама получает в месяц! Это был, оказывается, не простой магазин, а "комок". То есть магазин коммерческий. "Комок в шопе" - как тогда шутили, намекая еще и на засилье англицизмов, неимоверно засорявших речи политиков. Пустующие прилавки магазинов заполнялись крайне скверными товарами, дрянными и даже ядовитыми иностранными продуктами. Вся страна пила дешевый ярко-оранжевый сок "Тампико" из Мексики. От этого сока тошнило, и сделан он был из химического порошка. Этот сок, да еще китайский технический спирт "Рояль", который начали продавать как питьевой, отчего сотни людей погибли - стали для меня символом тех лет. А по телеку шла реклама шоколада "Марс" и "Сникерс". Их бойко покупали - во время кризисов люди любят есть шоколад, как выяснили психологи. "И толстый-толстый слой шоколада - вот практически все, что от жизни нам надо..." Какая группа эту песенку поет? Вспомнил. "Отпетые мошенники". Таких тогда много было, и занимали они высокие должности. "Нет власти не от бога" - это призыв поклоняться жуликам и убийцам. Они - власть, хозяева жизни... Остальные живут "Сникерс".

***

В то время я познакомился с парнем из параллельной группы, ТБ-91-02, Эдиком Г. Это был гениальный химик. Скажу без преувеличения - гениальный! Он знал предмет досконально. Как и любой, кто чему-то учится ради хобби, а не по обязанности. И умел работать руками - вести синтезы.

У меня тоже был в то время уже целый шкаф с пробирками и колбами, реактивами. Сейчас его уж нет. Но навыки остались. Я получал игольчатые блестящие кристаллы йодистого свинца, похожие на золото, кроваво-красный роданид железа, турнбулеву синь и берлинскую лазурь. Отливал фигурки из сплава Вуда. Он плавится при 80 градусов Цельсия, хотя и состоит из тугоплавких металлов. Тут все дело в процентном сочетании. Физхимия твердых растворов.

А еще - мечтал создать смесь, которая бы взрывалась и от нагрева, и от удара, и от трения, и от открытого огня. Создать эту смесь мне удалось в самый неожиданный момент, и склянка с нею взорвалась у меня в руках. Если бы не очки - быть мне сегодня без глаз. Такая вот диалектика

сходного, еще больше - разногласий. Дело кончилось тем, что Крестный пригласил меня к себе домой. В этом доме я провел за свою жизнь, вероятно, несколько месяцев - если сложить все часы наших бесед... Вместе с ним в двухкомнатной квартире жила его мама. Несмотря на почтенный возраст, она горячо и активно сочувствовала нашему движению. На левых митингах она ходила в толпе, нацепив на шею ящик для сбора пожертвований. Познакомился я и с детьми Крестного - старшим сыном (назову его Красный Принц), и веселой шаловливой дочкой (Принцессой) - ученицей четвертого класса, которую он частенько ругал "двоечницей". Детей своих он очень любил, но позволял им расти свободно, не изводил мелочными придирками. Его жена работала продавщицей, занималась хозяйством и к политике была равнодушна. В целом семейная атмосфера там была теплее, чем у меня дома. Поэтому я зачастил в гости к Крестному отцу. Он был в чем-то похож на рабочего Шиш игу из книги Владимира Платоненко - "...в отличие от многих трудороссов он умел шевелить мозгами - он не был классическим сталинистом, мечтающим просто вернуть страну в пятидесятый или хотя бы восьмидесятый год. И хотя его понимание рабочей власти не шло дальше "планового хозяйства" и выборов в советы по территориальному признаку ("Своего-то Васку я знаю как облупленного, и собрание, чтобы его снять, всегда соберу, а в районе попробуй это сделать!"), а дальше представление было весьма туманным, однако далеко не всякий анпиловец мог похвастаться даже такой продвинутостью". Но Крестный был, кроме этого, вообще способен и склонен к развитию и теоретическому мышлению, читал даже кое-что из Троцкого и Бухарина, и вообще наши разногласия об отношении к "советской власти" были, как выяснилось, терминологическими. Он хвалил "идеальную" советскую власть, а я резко критиковал сталинский и брежневский режимы. Когда выяснилось, что мы оба критически относимся ко временам Сталина и Брежнева, просто выражаем это разными словами, наши споры стали конструктивней. Крестный начал быстро учиться самостоятельно, поглощая горы литературы. Прочитанные книги мы обсуждали.

К сожалению, Вожак мало заботился о марксистском образовании своих кадров. Он читал нам лекции о текущем политическом положении, но не заглядывал далеко вперед. Это был ловкий политический организатор, но задатков марксистского теоретика он не имел. Теоретических дискуссий, идеологического просвещения в РКРП на первых этапах не велось. Но ведь членство в марксистской партии предполагает знание марксизма! Впрочем, некоторые сегодня даже не знают, "марксизм" - это зверь или растение? А это такая теория, философия. Она рассказывает о законах развития природы и общества, и показывает, как улучшить мир, чтобы сделать его разумнее и счастливее.

Так вот, нам надо было изучить философию марксизма. Ведь наша цель - не мелкое политиканство в установленных рамках, а революционное изменение мира. А для этого надо знать не только философию, но и политэкономии, а также историю революционного движения. И нам приходилось усиленно заниматься самообразованием. Направление таких занятий и нужные для этого книги каждый намечал сам. Впоследствии появился у Вожака человек, отвечавший за идеологию. Это был ныне покойный тов. Стрельников - бывший лектор общества "Знание", глубокий старик и твердокаменный сталинист. Но по эрудиции и уровню развития мы с Крестным его к тому времени многократно обскакали. Однако эти знания пришли к нам впоследствии. А в те годы, как ни грустно признаться, я слепо и некритически обожал как местного Вожак РКРП, так и вождя "Трудовой России" Виктора Анпилова. Для этого было много причин. Тут и радость от обретения единомышленников после месяцев одиночества и сомнений. Здесь и солидарность с жертвами антикоммунистической травли, развернутой СМИ и телевидением. Тут и желание самореализоваться после победы анпиловской революции - какой восемнадцатилетний активист лишен честолюбия? Тут и убежденность в правоте программы РКРП, в спасительности прямой производственной демократии, которая отличалась бы от буржуазно-парламентской "демократии для богатых"... Да и вообще, когда вкладываешь в дело много сил - оно начинает казаться тебе дорогим и ценным, что иногда блокирует способность к критике. Но, по выражению Льва Копелева, "...я ничего не исправляю. Тогда я именно так думал и чувствовал. Именно так понимал свой гражданский и партийный долг". Идеализировал Анпилова и Вожак. Что было, то было.

***

На одном из собраний Вожак отвел меня и Крестного в сторонку, и поручил опасное задание. Необходимо было в ночь с двадцать первого на двадцать второе июня вывесить красный флаг над строящейся на Проспекте двенадцатизэтажкой, которую уфимцы окрестили тогда "Алиса"

числе и национальные центры. В комнатах 405 и 406 располагался штаб Соцпартии Башкирии. Этой вывеской, после запрета КПСС, прикрылись местные коммунисты умеренного крыла. Они были тесно связаны с директором и старой партийной номенклатурой. Там я впервые увидел, и стал иногда брать на распространение газету "Гласность", которую издавал Олег Шенин. Его не стоит путать с рабочим депутатом Олегом Шеиным. Шенин был лидером Союза Коммунистических Партий разных республик СНГ. Он претендовал постепенно восстановить на их базе единую КПСС. Лидерами местной Соцпартии были Валентин Никитин, впоследствии многократно избиравшийся в Госдуму от КПРФ, и бывший зам. главного редактора "Вечерней Уфы" Ринат... ну, скажем Хабибуллин, в будущем тоже депутат Думы, редактор газеты "Наш Выбор". Играл не последнюю роль и директор крупного книжного магазина, искусный оратор Ратмир Марванович Янгиров. "Социализм" последнего был, впрочем, весьма правым, а его зажигательные митинговые выступления - не свободны от ксенофобии.

Там, в 405-ой, среди сваленных в рост человека штабелей газет, я познакомился и с теми двумя ребятами, которые дали мне когда-то визитку ВЛКСМ. Я узнал, что в Москве комсомолом руководит некий Езерский. Высокий парень был студентом БГУ, я редко его видел. А сутулый умник в мешковатом костюме устаревшего кроя - был Насмешник. Лицо этого парня, всегда ехидное, было от шек до лба изуродовано алыми бугристыми прыщами... Вот написал эту фразу, и подумал: как бы порадовался этим прыщам Илья Стогов! Изображая нас в книжках "Революция сейчас" и "Камикадзе" сквозь убогую призму обывателя, он мимоходом наделяет одного леворадикала "прыщами", второго - "гнилыми зубами", а третьего - "красным выражением лица". Конечно, если выполняешь социальный заказ по очернению оппозиции - можно писать и так. Но позволю себе заметить: наличие прыщей не определяется политической верой их обладателя - куда больше оно зависит от гормонального фона, возраста и соблюдения правил гигиены. Впрочем, я отвлекся.

Итак, я располагал контактами с ВЛКСМ, но их штаб-квартира находилась очень далеко от моего дома, и виделся я с ними редко. С первого взгляда нас разделял фактор пространственный, но на самом деле - социальный. В старой, южной части Уфы обосновались, по большей части, гос. чиновники, партийная элита и зажиточная интеллигенция. А в северных районах жили рабочие, небогатые преподаватели, заводские инженеры. Причем в Калининском районе жили бедствующие рабочие-машинисты, а в Орджоникидзевском - более зажиточные рабочие-нефтяники, химпромовцы и сотрудники Нефтяного института, в том числе моя семья. Неудивительно, что умеренная Соцпартия и ее ВЛКСМ были популярны в элитной "старой Уфе", а радикальная РКРП - в рабочих районах, особенно Калининском. Так что и мои предпочтения, и место жительства определялись, в конечном счете, общественным положением семьи.

Я редко ездил в штаб Соцпартии, но не пропускал собраний РКРП. А вот молодой черноусый Шахматист, после долгих раздумий, отошел от РКРП в сторону Соцпартии, и затем долгие годы был в КПРФ.

На одном из собраний РКРП рядом со мной оказался мужик лет сорока, с выцветшими светлыми волосами и простым рабочим лицом, стертым и потрепанным, как старый медный пятак. Он был одет в синий нейлоновый спортивный костюм.. Узкие щелки его голубых глаз лукаво и хитро поглядывали из-под припущих век то на Вожака, то на аудиторию, слушавшую, раскрыв рот, очередную лекцию. Страшно подумать: не обрати я внимания на этого неприметного рабочего - и не было бы у меня многолетнего верного друга, во многих отношениях заменившего мне отца. Я уже много раз писал, что с отцом у нас доверительные отношения не сложились, а ведь воспитание не ограничивается материальным обеспечением. Отец должен быть другом своему ребенку, умным и опытным старшим другом, с которым можно поговорить о сокровенном, о разных разностях нашей жизни. Таким "Крестным отцом" для меня стал этот рабочий. На этих страницах я буду звать его коротко - Крестный. Тем более что по своему характеру, как потом выяснилось, он действительно напоминал хитрого сицилийца дона Корлеоне из одноименного романа Марио Пьюзо. Но житейская опытность и хваткость уравнивались в нем коммунистической романтикой. Когда собрание закончилось, выяснилось, что мы едем до одной и той же остановки - ДК Орджоникидзе. А поскольку мы в троллейбусе заводили вполголоса философские споры, и к моменту приезда завершить их никак не удавалось, то начали мы вокруг моего дома ходить кругами и беседовать. Смешно сказать - перипатетики из "Трудовой России"... Он хорошо знал историю, помнил даты важных для страны событий. У нас было много тем для обсуждения, много

- близорукость сохраняет зрение. Очки выдержали удар взрывной волны, но сделались черными - к ним прикипели крупинки сажи. Вдоль правой кисти протянулся пузырчатый ожог, за который студенты меня потом дразнили "Паленый". Но страшнее ожога был гнев родителей. Быстро я разложил все колбы и пробирки по местам, проветрил кухню... Пришла мама и спросила: "Что у тебя с волосами?" Оказывается, они частью сгорели, частью расплавились и свернулись в кудряшки. Как при химзавивке. Но все эти эксперименты были ерундой по сравнению со сложнейшими затеями Эдика. Многоступенчатые синтезы, и все такое.

Нам требовалось оборудование. И мы пронюхали, что шеф одной из лабораторий эмигрирует в США. Спросили у него разрешения взять несколько штативов и шлангов - ведь ему они все равно не пригодятся, а нам нужны. Ответ был таким: "Берите из лаборатории все. Оставьте только вытяжной шкаф". О-о-о! Вы видели, наверное, в фильме "Остров сокровищ", как шайка Сильвера грабила трактир "Адмирал Бенбоу"? Вот так действовали и мы, правда с разрешения. Не чувствую угрызений совести - академическую науку задушили отсутствием средств, и все эти приборы и реактивы погибли бы в мусорных контейнерах. Все закрывалось и рушилось. А так - мы, студенты, с квалификацией уровня научных сотрудников, использовали эти вещи для обучения, для опытов - по прямому назначению центра студенческой науки, который государству оказался вдруг не нужен.

Не только я допускал опасные оплошности. У Эдика тоже бывали неудачные эксперименты - вышел он из дому в новенькой кожанке, запустил самодельный фейерверк, и дождь горящего белого фосфора (а его не потушишь даже водой), упал на куртку и ее владельца. Это было ужасно. Куртка была в дырах, экспериментатор - в ожогах. Но ничего нас не останавливало. Я уж не говорю о синтезе грему... Впрочем, я заболтался о химии, и читатель начинает скучать.

Вернусь к ситуации в обществе.

***

Был тогда не просто кризис в экономике и политике - был настоящий конец света. Апокалипсис сегодня. Дело в том, что в области идей произошло то же самое, что и с товарами. Тот же "Тампико" и "Рояль". Все лучшее из наследия гуманистической цивилизации, что принес марксизм в лапотную Россию, было властями (и продажной "интеллигенцией") затоптано, оплевано и отвергнуто. На смену догматическому, сталинскому "марксизму" пришел не подлинный развивающийся марксизм, а настоящая "духовная сивуха" - по меткому определению В.И. Ленина. Она была тогда очень разнообразной. Еще не успели ее свести к унылой казарме православия, самодержавия и шовинистической лже-народности, как сделали впоследствии. Какие только изуверские секты, экстрасенсы, колдуны и гадалки не паразитировали на ощущении конца света, возникшем у советских граждан! Я не имею в виду, что "самая крупная и тоталитарная из всех сект" (РПЦ), хоть на йоту лучше. Но тогда было другое. По всем улицам, через каждые пять метров, были расклеены листовки секты "Юсмалос", а иначе - "Белого братства". Эту секту возглавлял авантюрист Кривоногов и его знакомая девушка, объявившая себя "Марией-Дэви-Христос". Без комментариев. В свои сети они ловили юношей и девушек, причем не самых глупых. Тех, кто хотя бы на уровне интуиции понимал всю чудовищность происходящего, остро чувствовал несправедливость, и мог бы, при других условиях, стать революционным борцом против режима. Эта крупная секта и другие, помельче, играли роль смягчающего буфера - потому власть смотрела на их существование сквозь пальцы, пока не создала новый буфер, в виде РПЦ. Сектантам предоставлялись помещения, они имели богатую материальную базу. Кто не хотел слушать их - тому впахивали с экранов другие образцы смехотворного иррационализма. Например, астрологию (ни одна крупная газета уже не выходила без астрологического прогноза), откровения Глобы и Ванги, хе... - извините за опечатку - хиромантию, рассказы про НЛО и биоэнергетику, и т.д. и т.п. Как это у Фейхтвангера? "Пауль работал над статьей о возрождении магии. Господствующие классы заинтересованы стимулировать ее развитие. Ведь надеяться и мечтать легче, чем думать. Проще прибегнуть к представлениям о божестве или чудотворце, чем воплотить в жизнь простейшие логические выводы и самому избавиться от беды. Последнее требует воли и мужества, а тут рождается какое-то опьянение, успокоенность." Этот "опиум для народа" усыплял тысячи легковверных бедняков.

Вот скажите мне: как бороться с подлой корыстной ложью, положенной в основу "национальной идеологии"? История до сих пор предложила лишь одну эффективную форму

борьбы - а la Robespierre. Плюс тонущие баржи 1918 года. Знаю - не гуманно. Перестали так делать. И всякие поганцы тут же загогнали всю страну, ослиными копытами попрали истину материализма. Они-то ведь уроков не извлекают, они испакостят все! На вранье мораль строят. Где выход? Ведь поймет народ, что эти, в рясах, его дурачат - и опять неминуемо гильотина в ход пойдет. Да не так расхлябанно будет, как в прошлые разы. Эх, твою мать...

Не все, однако, попадало на крючок мистики. Многие продолжали мыслить логически, интересоваться политикой и философией. Как с ними быть? Пришла на помощь продажная пресса, где черный реакционный вал заглушил последние остатки объективности. Газеты накручивали и накручивали вакханалию антикоммунизма, действуя уже в стиле Геббельса. "Доводы" против гуманистического и рационального по сути своей учения, были грубы до пещерности. Обозреватели и журналисты, стоявшие за буржуазную реставрацию, решили что стесняться больше нечего. Осталась у них одна заповедь, и эта заповедь: "Валяй!" Ни для научной добросовестности, ни для уважения ко взглядам противника больше не оставалось места.

Самое главное, коренное отличие нашего поколения от сформированных при Ельцине - в том, что мы могли выбирать мировоззрение сознательно, исходя из многих вариантов. Был огромный веер возможностей! В центральной прессе 1987-89 годов на равных были представлены идеи Маркса и Ленина, Бухарина и Троцкого, Сталина и Горбачева, Сахарова и Солженицына.

А вот с 1990 года уже бушевал вихрь клеветы, травли и передержек. Под удар попали не только коммунизм и социализм, но и все наследие эпохи Просвещения. Предметом глумления стали идеи интернационализма и социального равенства, за человеком отрицалась сама возможность и право менять природу и общество в разумном и полезном направлении. Поругана была и логика, и здравый смысл, и само мышление - их сменила окрошка постмодерна. Телевидение несло бред и ложь. "Ленин - гриб, Сталин - сорт конопля!" - вот, буквально, уровень "полемики" тех лет. Но ведь идея коммунизма не с неба свалилась, а пришла в отсталую Россию с цивилизованного Запада, где возникла на базе гуманизма и логики, науки и техники. Отбросьте все это - и страна откатится к самодержавию, религии, черносотенному варварству. Первые шаги к этому средневековью они нагло именовали "демократией". Такая вот удушливая атмосфера царила тогда...

***

Где же глоток свежего воздуха, кто воспротивится этому кошмару? Неужто все окончательно лишились разума? Такие вопросы задавал я себе, листая многостраничную антикоммунистическую газету "Мегаполис-Экспресс", левашку на моем кухонном столе. Некоторые ее странички были залепаны маслом, других листов уже не было - их пустили на обертку. От каких мелочей иногда зависит судьба человека! Собрался я уже вытереть руки об очередной лист этой газетенки и швырнуть его в ведро, но вдруг увидел в нижней части этого листа небольшую заметку. В ней ругали на все корки "ультралевого социального демагога" - некоего Виктора Анпилова. Я впервые видел эту фамилию. Но если ельцинские журналисты обзывают кого-то "ультралевым демагогом" - это уже повод к такому человеку доброжелательно пригласиться. Ведь "левый" для меня в те годы стало значить "хороший" и "порядочный", а приставка "ультра" означает "очень" или "сверх". Выходило: "очень хороший", "сверх-порядочный". А "демагогом" его обзывают, как видно из контекста, за ораторские способности и умение вести людей за собой. Значит, есть и другие люди, не приемлющие этого безобразия, они организуются, они протестуют! Но как найти их? Как познакомиться с этим таинственным Анпиловым и его друзьями?

Как я выяснил впоследствии, 9 января 1992 года в министерстве юстиции была впервые, после запрета КПСС, зарегистрирована новая компартия - Российская Коммунистическая Рабочая Партия. Ее лидером и стал Виктор Анпилов, оратор и журналист, выпускник журфака МГУ, работавший долгое время в Латинской Америке. Для Ельцина эта партия была весьма неудобна, и официальные СМИ обливала ее помоями. Программа ее была выдержана в духе раннего большевизма, отвергала частную собственность и рынок. В то же время партия выступала за демократический контроль выборных рабочих советов над государственной собственностью. Депутатов предлагалось избирать не по округам, а из трудовых коллективов - ведь коллеги по работе хотя бы знакомы друг с другом. Конечно, для пенсионеров, лиц свободных профессий и т.д. эта система дополнялась выборами по территориям. Если депутат не оправдывает доверия

хорошо меня помнит. Я вытер лицо от слез, и обернулся на его окрик. "Попробуй спастись от дождя, если он внутри. Попробуй сдержатъ желание выйти вон..." - так, кажется, у Цоя? Было уже все равно, куда мы с этой компанией отправимся, что будем делать. Меня несла стадная волна, и я почувствовал какой-то паралич воли. Депрессивную безнадегу. А отправились мы - "на школьник", то есть на школьный двор одной 62-ой. Тогда там росли тополя до небес - их еще не спилили. Дождь продолжал лить и лить, без остановки, без передышки. Раж домашнего скандала прошел, и я почувствовал холод. Меня начала бить крупная дрожь.

- Чего дрожишь, Проф-э-э-ссор? - растягивая "по-блатному" слова, обратился ко мне шапочный знакомец - Замерз? Ничего, сейчас водочки тяпнем чисто конкр-э-э-тно - тебе теплей станет.

А надо сказать, что до этого момента водки я и в рот не брал. Ну, один раз глоточек коньяка отпил из сувенирной бутылочки, но это как начинка коньячной конфеты. Малость. Не действовала. А тут, уже махнув рукой на себя и на весь мир, я шепнул плещущими от обиды и холода губами:

- Ну, давай, тяпнем!

Мы подошли к заржавленной вытяжке, присобаченной сбоку от здания, где были у нас "труды". Вытяжка вела в древообделочный цех, а из конического "циклона" во время работы падали на землю опилки. Этих опилок была целая грудка. Но сейчас цех не работал. Прячась от падающих с неба серых струй под ржавый циклон, я протянул руку - и в ней оказалась первая в моей жизни рюмка водки.

Выпили. Не действует. Выпили еще - стало лучше. Болтали о пустяках. О музыке. Об уличных стычках. Да мало ли о чем могут болтать ребята нашего возраста? Всегда найдется тема. Простояли так часа два. Изнутри подымалось по жилам тепло... Тут почему-то все компания отправилась к Восьмизатжке. Дождь почти прошел. Мы поднялись в одном из домов на второй этаж, постучали в какую-то квартиру... Я все делал автоматически - шел, куда и другие шли. Из квартиры выглянула хитроглазая бабушка, и ребята на лестничной клетке стали с ней о чем-то шептаться. Я спросил, зачем мы сюда пришли. Парень неохотно бросил: "За шамалью и черняшкой. Сейчас загонимся чисто конкретно". Выходит, пришли они купить наркотики. Я был оскорблен отцом, выпил водки. Но это? Нет. Развернувшись на 180 градусов и даже не попрощавшись, я вернулся в постылый дом.

...Сидеть дома и дрожать в страхе отцовских придинок и окриков - разве это жизнь? А от "личной жизни" в смысле любовных походов - я сознательно отказался. Не желаю рожать детей в пищу этим кровоядным псам, сидящим у власти. Да и кроме того - это связывает. Деньги нужны на газеты, а тут девушку в кафе води, потом и обязательства появятся - и погиб революционер. Я никогда в этом смысле не понимал Троцкого с его тремя детьми. Сначала сделай, победы, построй новое счастливое общество - а уж потом личная жизнь. Он ведь знал: или борьба, или семья. И все же безответственно подставил своих детей под удар сначала царизма, а потом и сталинского режима. Надо извлечь уроки. Я - одинокий волк, свободный бунтарь!

Но где же выход? Кажется, я нашел его... Если дома мной помывают, не считают личностью - то моей семьей станет партия! И верно: не будь "Трудовой России", не будь Вожака - я уже давным-давно покончил бы жизнь самоубийством или утонул в наркотическом омуте. В 1992 г. дело дошло до того, что я сначала, просыпаясь утром, вспоминал о членстве в РКРП, и только потом - свою фамилию. Политическая борьба поглощала меня целиком, и я отдавался ей с иступленным рвением фанатика.

***

Как это говорил Макар Нагульнов? "То и мужчинское дело, куда пошлет партия. Пошлет коров доить - буду эту пропащую коровенку тягать за дойки, пока не упадет". Вот и в РКРП романтика ночных расклеек сменялась подчас прозаическими делами.

В то время актив РКРП занят составлением списков бывших членов КПСС, в основном пожилых, желающих восстановить компартию России. С утра до вечера мы дежурили в тихой библиотеке ДК Орджоникидзе, регистрируя проходящих коммунистов. ДК Орджоникидзе находился рядом с моим домом, и это было удобно. Однако главный штаб этих действий, координирующий их по всей Башкирии, находился далеко, в старой части города - в Общественно-политическом центре на ул. Фрунзе-40. Сегодня там размещается Государственное собрание РБ, местный парламент, а тогда в ОПЦ находились штаб-квартиры разных партий и движений, в том

выбирать. Все же это было агитационное, а не научное издание. Очень мне в "Молнии" нравился юмор Анпилова. Например: "После того, как душа официально отошла к церкви, а доходы - к акулам теневой экономики, разговор о доходах на душу населения стал совсем беспредметным". Ха-ха-ха! Верно подмечено! "Несчастье не в нищете, господа, а в ее количестве...". Или такое замечание: "Перепитие борьбы - по-своему очень верно переиначил слово Борис Николаевич на встрече с журналистами. Что ж, "перепитие" от "сиськи-масиськи" недалеко ушло...". Имелось в виду, что дряхлый Брежнев, к концу жизни плохо выговаривавший сложные слова, вместо слов "социалистический интернационализм" мямлил "сиськи-масиськи" - а Ельцин, с его пристрастием к спиртному, был столь же невнятен... Не забывайте, что центральная и "демократическая" пресса в тот период ни словом не упоминали об алкоголизме Ельцина, да и генерал Коржаков не написал еще своей разоблачительной книги "Ельцин от рассвета до заката"...

Вот эту "Молнию" и надо было распространять. Но - как это лучше делать? Ведь у нее тираж маленький, в отличие от "НП". На миллионный город - капля в море. И придумали мы титульный лист, с речью и портретом Анпилова, отрезать от газеты, написать на нем телефон Вожака в качестве контактного, и ночью клеить этот лист по улицам. Близ парковой библиотеки, при Ельцине сгоревшей, видел я в детстве стенды с газетами "Правда", "Труд", "Известия". Вот и мы будем лепить, как на стенде. Впрочем, каждая районная группа сама решала, как ей распространять. Большинство торговали, другие раскладывали в цехах своих заводов. А мы решили - клеить под покровом ночи на Первомайской. Несколько месяцев мы это делали. Как придет номер - мы его и клеим. И листовки заодно с ним - тогда у партии появилась возможность их печатать. Но тут случился облом. Старались мы на стекла витрин не лепить газеты, но налепили на Дворец Орджоникидзе. И по контактному телефону позвонили Вожаку, но о чем не подозревавшему. Разбудили, грозя штрафом. Еле удалось ему уладить дело. Что ж, век живи, век учишься. Но сами подумайте: как избежать того, что по обратному адресу вас найдут при расклейке? И в то же время - обеспечить контакт с читателем? Это задача для гениев, изобретателей, аналитиков. Хоть отправляй ее в программу "Что? Где? Когда?". Кто из леворадикалов ее решит - будет иметь в кармане ключ к всероссийскому политическому успеху! Я не преувеличиваю. Во всех остальных отношениях: теоретическом, интеллектуальном, моральном, по высоте и благородству своей исторической традиции и т.д. - нынешние леворадикалы превосходят российскую власть в миллионы раз. Даже не в сотни, не в тысячи - в миллионы! Впрочем, это обусловлено не только качествами левой молодежи, но и качествами власти. Числитель велик, но знаменатель вообще стремится к нулю... Николай Палкин и Александр Третий, Пуришкевич и Победоносцев - вот уровень знаменателя. Он мокнет в сортире.

***

Бегал я по улицам, потому как дома обстановка была все тяжелее. Я усиленно читал, добывая книги где только можно - газеты из РКРП тут были ("Наш Выбор", "Молния", "Народная Правда", "Воля"), публицистика, социальная фантастика - "Час Быка" Ефремова, "451 градус по Фаренгейту" Рея Бредбери, "Железная пята" Джека Лондона. Мой уровень же давным-давно выходил за те рамки, в которые должен был уместиться по представлениям отца. А его отношение было прежним. Повторялась история с интеллигентной рабыней Изаурой, много раз им уже поминаемая.

Очередной скандал, вызванный очередной мелочью - тарелку я опрокинул, что ли - был мощнее всех предыдущих. На российские семьи давила обстановка в стране, и главы семей срывали зло на детях. Как я сейчас понимаю, в каждом ударе отца против сына - лишь треть участия именно отца. А две третьих - это традиция домостроя, бесправия жены и детей, которую поддерживала церковь. А церковь, в свою очередь, столетиями поддерживало государство, царизм. И когда вас бьют, ребята - знайте, кому надо за это мстить, и кто в этом действительно виноват. Две третьих каждого удара - приходится вам от тех, кто освящает и оправдывает семейное насилие, кто учит "почитать отца своего". Так не дрогнут же и ваши руки в час Икс!

Кончено, это абстрактное понимание не погасило тот конкретный скандал. Все нам отец припомнил, за многие годы, ничего не забыл. И пришлось мне убежать из дому, без намерения туда возвращаться. Я шел по улице и плакал, и вместе со слезинками по моим щекам катились капли октябрьского дождя, который лил и лил, так что я промок до нитки. Все равно не вернулся. Пошел в парк Победы, где была беседа в виде дельтаплана - хоть под ней от дождя укроюсь... В беседке сидела блатная компания с гитарой. И тут выяснилось, что один из ребят - ученик 62-ой, и

избирателей, то они должны иметь право собраться и депутата отозвать - предлагали авторы. Что ж, вполне демократично...

Кстати, в 1936 г. Сталин отказался от выборов по производственному принципу. За это программа РКРП обвиняла Сталина в уничтожении Советской власти в СССР. Выходит, неверно считать анпиловцев такими уж слепыми фанатами Сталина. Конечно, таких было много, особенно среди стариков - но их пропаганда шла вразрез с партийной идеологией. То же самое относится к шовинистам и ксенофобам - их брехня противоречила интернационализму партийной программы. Беда была в том, что к этим брехунам руководство партии часто относилось примиренчески. Оно маневрировало, нередко отступая от принципов ради роста численности - гибельная политика! Хотя и сектанство тоже плохо, да и средняя линия не годится. Нужно правильное соотношение: терпимость к несущественным разногласиям, и непримиримость при защите главных принципов. Например, в борьбе с шовинизмом. Но все это мне лишь предстояло понять. А когда я оценивал документы партии - возникла надежда на ее развитие в разумном направлении.

***

30 января 1992 окончился первый семестр. Я сдал экзамены. Второй семестр первого курса начался 8 февраля 1992 начался. Предметы были все те же, только добавилась неорганическая химия, а физика механических процессов и газов, которую читал Кантор, сменилась физикой электричества. Ее вела Бикбаева - бабушка с квадратной фигурой, лицом чуть схожая с Ельциным. Только в отличие от последнего, она была очень доброй, говорила вещи разумные и внятные. По социально-политической истории мне поручили сделать доклад на тему "Завещание Ленина". Напоминаю, что программа была старой - курс истории КПСС. Изменилось только название предмета.

С удовольствием вспоминаю этот доклад! Очень подробно я рассказывал, почему Ленин предложил снять с должности генсека грубого и нелояльного бюрократа Сталина, и какими блестящими способностями обладал его главный противник - Лев Троцкий. Да! Будь у власти Троцкий - может и мировой войны бы не было, а вместо Гитлера в Германии была бы пролетарская революция. Ведь были уже Баварская и Венгерская Советские республики в 1918 году. Еще чуть-чуть, еще бы немного дожать - и Европа стала бы красной. А с европейской техникой и культурой, дополнившей советские ресурсы и территорию - до Мировой Революции рукой подать. Еще чуточку - и новый мир, без войн и границ, "без России, без Латвии"! Все загубили, испоганили проклятые бюрократы, во главе со Сталиным. Такой вот доклад. В жанре альтернативной истории. Читал прочувствованно. Получил пятерку.

Слушали мы в то время все больше группы "ТехноТроник", "Корона" и "Депеш мод". По телеку крутили западные клипы. Семейка Флинтстоун. Ходит в шкурах, живет в пещере. Это, видимо, был прогноз - чем кончатся рыночные реформы.

А почему в аудитории по черчению каждый считает своим долгом оставить автограф на парте? Парты изрисованы многими поколениями студентов. Их бы в музей - цены бы не было этим памятникам эпохи. Еще с шестидесятых годов на них рисуют, в меру своего ума - и некоторые надписи остроумны. Другие пессимистичны и нецензурны. "Весь мир бардак, все бабы ..., а солнце ...ый фонарь!". Подходит к эпохе реформ.

***

По телевизору я увидел репортаж о том, что 23 февраля состоялись митинги в Москве, и ОМОН разогнал оппозиционных демонстрантов. В этих митингах участвовали не только левые организации, но и примазавшиеся к толпе шовинисты, игравшие роль провокаторов. Своими лозунгами и поведением они дискредитировали всех участников. Присутствие националистов на митингах позволило ельцинской прессе говорить о "красно-коричневых".

Эти две идеологии - фашизм и коммунизм - несовместимы и прямо противоположны. По всем параметрам. И по целям, и по происхождению, и по социальному содержанию. Так называемый "национал-социализм" - это высшая форма предательства социализма. Обширный исторический экскурс на эту тему есть в "Экспансии" Юлиана Семенова, где Штирлиц разъясняет американскому разведчику, что Муссолини - это бывший социалист, предавший социализм и поступивший на службу к магнатам, а Гитлер - ставленник немецких капиталистических монополий. Сравните у Маркса: "Рабочие не имеют отечества!". Сравните у Карла Либкнехта: "Главный враг каждого народа - в его собственной стране!". Сравните у Ленина: "Превратим империалистическую войну в гражданскую".

И вот я вижу репортаж, где эти две противоположные идеологии отождествляются. Журналисты речь вели даже не о том, что в пестрой митинговой толпе были представители разных направлений. Они рассуждали об идейном родстве двух враждебных теорий. Явная подтасовка. Полная чушь. Я считал себя "красным", но "коричневых" ненавидел...

А на экране страшилки об оппозиции сменялись вестями с полей международных битв, развязанных "демократическими" президентами. Как раз в тот период, в начале марта, начались бои между Приднестровской республикой и суверенной Молдовой... Все это перемежалось рекламой сверхдорогих товаров и зарубежных круизов, каждый из которых стоил несколько годовых зарплат среднего россиянина. Жуткий телевизионный ряд: труп - мерседес - труп - круиз - труп - жвачка - труп - шампунь... Это было похоже на издевательство! Сейчас-то уж привыкли...

Но были и новости, заставлявшие серьезно задуматься. Вот например, 29 апреля вспыхнули крупные беспорядки в Лос-Анджелесе, из-за избиения полицией чернокожего мотоциклиста. Их представили по ТВ как расовый конфликт чернокожих и белых - ведь не может же в обетованных США быть классовой борьбы. А я прекрасно видел, что в беспорядках участвовали неимущие, как черные так и белые. И у некоторых митингующих американцев были тогда в руках красные флаги. Но как же быть тогда с "концом истории", с тысячелетним царством капитализма? Эх, узнать бы от простых американцев, как на самом деле живется в Америке... Раньше врал, все показывая в черных тонах, сейчас показывают полные витрины... Но ведь покупательная способность определяется не полнотой прилавка, а толщиной кармана. У нас тоже роскошную рекламу крутят, а люди нищенствуют. В будущем не раз я беседовал с американскими левыми. Слушая их рассказы, я удивлялся не Америке, а российскому ТВ. Как же можно так бессовестно врать?!

***

Уж не помню - то ли 17 марта, в годовщину растоптанного референдума о сохранении СССР, то ли 22 апреля, в день рождения Ленина - состоялся у меня под окнами, перед дворцом им. Орджоникидзе, небольшой митинг.

В Уфе до этого были два митинга - но они меня не очень трогали. Пару лет назад был митинг экологов. Обсуждалась там серьезная проблема - строить ли в Уфе завод по производству ядовитых поликарбонатов. Людей на площади собралось много, но я туда не пошел. Глядел из окна. Во-первых, я занят был - не вздохнуть, готовился к экзаменам. А во-вторых, у меня тогда не определилось еще отношение к экологии. Конечно, нельзя губить природу и ядовитый завод нам вреден. Но, с другой стороны, разве это разумно - закрывать заводы и электростанции? Это предлагали крайние "зеленые". Что же нам - обратно в пещеры? Да ведь миллионы людей умрут, если промышленность остановится - грибами да ягодами шесть миллиардов не прокормишь. Тут надо плановую экономику внедрить в масштабах земного шара, и военные программы свернуть, и рождаемость на планете уменьшать централизованно - а когда еще это будет? Так что я не пошел тогда на митинг, остался на кухне билеты учить. Было в городе и другое сборище, с последующей голодовкой и дракой - за "неограниченный суверенитет" республики, чтобы мы отделились от России, за счет нефти жили как в кювете... Извиняюсь - как в Кувейте. К чему все это ведет, сейчас видно на примере Чечни. Естественно, и туда я не ходил.

Но вот сейчас увидел из окна красные знамена коммунистов - и на их митинг пошел. Активной роли я пока не играл. Стоял в задних рядах, под серыми клочковатыми облаками (все же март был, наверное...), и прислушивался. На этой площади обычно устраивали ярмарки и новогоднюю елку - а тут митинг, и я впервые на нем. Интересно! Жандармы тогда еще не взяли ногой проверять документы у молодежи. Не придумали пропускать всех участников митинга через металлоискатель, попутно обыскивая и фотографируя. А тем более, не пытались беспричинно задерживать и избивать. До окончательной "победы демократии" оставалось десять лет.

Но вернемся из нашей славной современности в 1992 год. На площади собралось человек триста. Маловато, по тем временам. В основном пенсионеры. Одна бабушка мне запомнилась - на шею у нее висел зеленый ящичек с прорезью, для пожертвований на издание левой прессы. Многие кидали в ящик мелочь. Впоследствии я убедился, что из этого ящика действительно все до копейки уходило в редакции левых газет. А пока, со смесью восхищения и сочувствия, разглядывал я эту боевую бабушку: полную, медлительную, с тяжелой одышкой. Пальто и куртки были тогда у многих стандартными, кургузыми, черными или темно-серыми. Фетровые шляпы у пожилых - почти одинаковыми. Так что различать людей можно было лишь по комплекции тела. Устроители мероприятия стояли на ступеньках дворца, между колоннами. Сменяя один другого,

ребят лет девяти-десяти, а семилетний мальчик плакал, что его не берут. Ну, дал я и ему - так у него больше всех покупали. Прохожие умилялись, когда шкодного вида пацаненок, мило картавя, кричал тенорком:

- Дядя, купите газету Налодная плавда! Читайте пла забастовку лабочих! Тли лубля пятьдесят копеек!

Я стоял поблизости, чтобы в случае чего защитить ребят от рэкета или воров, а мои сорванцы то возвращались, то убежали с новой порцией. Все свыше трех рублей - принадлежало им. На мороженое, так сказать.

Ностальгические нотки услышал я внутри себя, когда наша компания отправилась, ради этой торговли, на трамвайную остановку ул. Маяковского, что напротив клуба "Юный моряк". Когда жива была бабушка Аня, сколько раз мы с ней провозжали здесь на трамвай тетю Марусю! И был я в том же возрасте, что и мои десятилетние газетчики. Тут, в этих кустах мы с ребятами играли "в войнушку", окружали отряд Ленки и делали штабики - а теперь, стоя на том же желтом песочке, чую тот же запах дегтя и щурясь от летящего сверху тополиного пуха, я был занят ответственной партийной работой... Газету на остановке раскупали бойко. Если было необходимо - я разъяснял покупателям, что они на йдут в номере, ибо сам его прилежно читал. С этой остановки отправились мы вниз, к станции Парковая - там ведь было тоже много скучающих пассажиров, ожидавших поезда. Ласковый летний ветерок трепал наши волосы. Около гаражей попался нам аккуратно одетый мужчина, в очках с тонкой оправой. Выражение его лица было столь думающим, что мне почему-то захотелось именно его распропагандировать, доказать, что по телевизору о нашем движении лгут. Но ничего не вышло. Увидев, что ему предлагают "Народную Правду", этот симпатичный интеллигент недоуменно глянул на меня поверх очков, и сказал, тоже с желанием убедить:

- Не буду я ее покупать. Ведь это же фашистская газета.

Ложное отождествление фашистов и коммунистов, которым ТВ занималось изо дня в день, давало свои плоды. Я ответил интеллигенту:

- Ну что вы? Разве это фашистская? Смотрите, тут про совет рабочих! Мы же коммунисты, мы интернационалисты. Вот газета "День" действительно проповедует шовинизм, а эта ведь нет...

Газета Проханова "День", действительно, мне настолько не нравилась, что впоследствии мы с Вожакom сильно разругались, обсуждая, как относиться к ней. Я был непримирим к фашизму, а эта газета тиснула стишки лидеров "Русского Фашистского Союза", возникшего в кругах антисоветской белой эмиграции, в Харбине. Я считал, что коммунисты такую дрянь не должны даже для ознакомления брать.

Вообще, идейные разногласия впоследствии развели нас, и я открыто изложил, с чем я не согласен. Однако это никогда не сопровождалось даже тенью личной неприязни к Вожаку. С работой у этого человека были связаны лучшие годы моей жизни. Вожак имел замечательное для руководителя качество - он вел и подталкивал своих людей вверх, а не карабкался по их телам. Он себя не считал мессией, а остальных - камнями на дороге, которые можно попирать сапогами без всяких угрызений совести... И спустя пятнадцать лет после этих событий, я хочу ему персонально сказать - огромное спасибо. При том, конечно, что наши взгляды по-прежнему во многом расходятся.

Но вернусь к гаражу девяносто второго...

- Какая разница, "День" или "Народная правда" - ответил интеллигент, поправил очки, грустно вздохнул и прошел мимо.

"Ну, это уж натяжка" - думал я. - "Однако националисты сильно дискредитируют левых. Следует резко отмежеваться от них, а не разводиться примиренчеством".

Надо было продолжать нашу агитационную работу. После станции Парковой моя "армия трясогузки" направилась в 13-ю больницу, где когда-то лежала со сломанной ногой моя бабушка, и мы продали скачущим больным последнюю сотню экземпляров.

И так вот - каждый день каникул. На остановках, в переулках, в больницах - где мы только не торговали! Но это было еще не все.

***

"НП" не была партийной газетой - она была просто оппозиционной. А партийной газетой РКРП была "Молния". Она соответствовала названию - критика "реформаторов" была в ней очень острой. Были там статьи сталинистов, но и левая критика сталинизма тоже. Читатель мог

избирателей у нас - двадцатикратный, без учета других депутатских привилегий. Были в "НП" рассказы о восстановлении разных социалистических партий, попытках воссоздания "снизу" комсомола. Юридическая помощь в рубрике "Домашний адвокат". Юмористический раздел "Балаган".

"Если ты своей любимой
подарил букетик роз -
это значит, ей зарплату
за неделю ты принес!".

"Мозги пудрили недавно
Кашпировский и Чумаков,
а теперь нам пудрят славно
мозги Ельцин и Собчак!".

Были и серьезные стихи:

"Ущипните меня, я не верю
- это жуткий ночной кошмар!
От Союза к Российской империи
вспять вращается глобус-шар!" и т.п.

"Имперской" такую пропаганду не назовешь. Скорее, это была ностальгия по социализму и СССР, но без четкого понимания причин его распада. Конечно, попадались, как исключение, и шовинистические статейки. Например, отвратительно смотрелась демагогическая статья "Яковлев и Троцкий", где вождь Октябрьской революции уподоблялся идеологу буржуазной реставрации. Противно, конечно - но вовсе не обязательно было разделять идеи всех публикуемых авторов, и не эти материалы определяли лицо газеты. Я их воспринимал просто как дискуссионные, задающие темы для обсуждения, заставлявшие задуматься. Конечно, я не разделял идей Лимонова, Константинова или Александра Зиновьева - но это известные писатели, публицисты, действующие политики, и мне было интересно прочесть их интервью, узнать и их взгляд тоже. Ни Лимоновцем, ни националистом читатель от этого не станет, если он умеет мыслить критически. Впрочем, когда возникла альтернатива в лице троцкистских изданий, я переключился на их распространение - в них не было уже и тени шовинизма. А пока пришлось довольствоваться "Народной правдой".

***

"Учитесь торговать!" - призывал Владимир Ильич Ленин. Ну разве не забавно, что одним из первых поручений, которое мне дали как коммунисту и противнику "рыночных реформ", стала именно торговля? Я имею в виду уличную торговлю газетами. На первых номерах "Народной Правды" была указана цена - по подписке рубль, в розницу - два. Впоследствии цена поднялась до трех. У всех партий пресса и вообще агитация - отрасль дотационная. На ней не заработаешь. Однако Вожаку приходилось расплачиваться за газеты, присылаемые из Москвы, из бюджета организации - а бюджет мог и не выдержать. Так что желательно было газеты продавать, а не дарить. Только старые газеты мы раздавали бесплатно. Многие студенты в те времена так подрабатывали - на политическую прессу был спрос, усталость и цинизм еще не воцарились в душах. А я, конечно, ни копейки себе не брал из вырученных сумм. Бегал как уличная собачонка, под палящим июльским солнцем, и кричал: "Купите газету Народная Правда! Покупайте газету оппозиции! Интервью из тюрьмы Матросская тишина! Репортаж со съезда рабочих и служащих!" - ну и так далее, пока язык на бок не свалится. Однако в одиночку много не продашь. И стал я бессовестным эксплуататором детского труда. Шучу, конечно.

Тогда было в моде мнение, что летом дети должны не отдыхать за городом, а мыть машины на загазованных перекрестках, торговать газетами, таскать коробки и т.п. - "как в Америке". Ельцин хвастался, что своего внука посылает мыть машины. Воображаю. Так вот, многие родители благосклонно относились к тому, что дети их научались зарабатывать. И даже сами просили меня их деток, младших школьников, взять в команду торговцев. Составилась "армия трясогузки" из

они в микрофон говорили речи, а звукоусилительный фургон транслировал их голоса на площадь. Часть выступлений мне понравилось, но некоторые были неудачны - не у всех ораторов была хорошая дикция. Главное, что я понял - в Уфе есть коммунисты, не смирившиеся с запретом КПСС и недовольные политикой Ельцина. В оттенки я не вникал. Но все же узнал я, что партии там две - социалистическая и коммунистическая. Одна умеренная, другая радикальная. Эге, уж не анпиловская ли это партия, которую я ищу?

Тут общественный порядок был малость нарушен. Справа, из-за здания дворца, вышел и медленным шагом направился в гущу митинга человек с портретом... Ельцина! Да, вот уж действительно - герой-одиночка. Уважаю - если это, конечно, был идейный "демократ", а не штатный провокатор. Бабушки, стоявшие в первых рядах, ожесточенно бросились на портретоносца. Их глаза сверкали яростью, начавшееся избивание грозило стать неуправляемым. В конце концов, милиция с одной стороны, дружинники из оцепления митинга - с другой, отделили гневных бабушек от побитого "демократа". Ключки от президентского портрета были очень мелкими. Ветер разнес их по всей площади. Один из обрывков лежал рядом с моим ботинком. "Демократа" посадили в милицейский "бобик" и куда-то увезли. Но все же нельзя сказать, что его задержали на митинге уж совсем беспричинно (как в январе 2005-го они схватили и побили сына моей матери). Суматоха, произведенная выходкой "демократа", быстро улеглась.

Ропотом было встречено, после этого бенефиса, появление на трибуне представителя "либерально-демократической партии России". Это был молодой парень с умным лицом, в черном суконном пальто и серой лыжной шапочке. Еле справились с одним "демократом", а тут лезет другой, да еще на трибуну... "Это партия Жириновского" - быстро уточнил он. Жириновский имел тогда скандальную известность, и выслушать парня согласился больше "из интереса". Этот оратор, назову его Жирик, был старше меня. Он родился 16 апреля 1966 года. По профессии был врач-гематолог. Единственный в 1992 году жириновец во всей Башкирии. Он не сказал на митинге ничего, что вызвало бы раздражение собравшихся - не ругал коммунистов, не вел шовинистической пропаганды. Быстро сориентировался, где находится. В основном критиковал Ельцина, и говорил что даже с точки зрения демократии его политика спорна, т.к. он пренебрегает итогами референдума, в котором приняли участие миллионы людей. Большого энтузиазма речь не вызвала, но и отвержения тоже. Речь как речь.

Митинг подошел к концу, люди с площади расходились. Организаторы тоже сматывали удочки, а вернее провода микрофона. Этой работой заняты были двое парней на ступеньках, чуть постарше меня. Но когда они меня заметили, то один из них, худой и высокорослый, подошел, улыбнулся и спросил: как впечатление о митинге? Я ответил, что давно интересуюсь идеями социализма. Тут подошел и второй парнишка. Он был сутуловат, его лицо было умным, но некрасивым. Иронически усмехнувшись, он вытащил из кармана потертого пиджака визитную карточку. Там был адрес и телефон какого-то общественного центра на ул. Фрунзе, где в комнате 405 проходят собрания левой молодежи (называлась такая организация в те времена комсомол, или ВЛКСМ). Я и в школе туда не вступал, и в этот момент не очень хотел. Гнилая была организация, честно говоря - особенно в последние годы ее существования. "Но, быть может, сейчас это иначе?" - подумал я - "Скучная она, все таки. Новую революцию ВЛКСМ делать не будет. Но, может, я через него найду настоящих, крайних левых? Тех самых анпиловцев?" Положил визитку в карман, парням сказал спасибо, и ушел домой.

***

Не знаю, воспользовался бы визиткой, или нет - особой охоты не было... Но дело обернулось иначе. "Политика - это современный рок", по выражению Наполеона. Кто ищет, тот всегда найдет. Дома у меня обстановка была по-прежнему тягостной. Отец приходил с работы, сразу же врубал телевизор, садился перед ним на маленькую скамеечку, плюхнув на подставку перед экраном миску с едой и разбросав вокруг нее хлеб и головки чеснока. Чем дольше он смотрел новости, тем более мрачнел, а под конец шел на кухню или в мою комнату (прав был Чернышевский - нельзя пускать посторонних в свою комнату! Да ведь попробуй, не пусти...), и срывал раздражение, докопавшись до какой-то моей мелкой оплошности или маминого упущения в хозяйстве. Ясно, что дома мне бывать не хотелось, и я продолжал в свободное время посещать уличные тусовки. Возвращался лишь вечером, в половину двенадцатого.

А на тусовке, среди прочих, был один браток, чуть постарше меня, филигранно владеющий токарным искусством. Заводской работы токаря ему было недостаточно, да и платили за нее

маловато. Но имел он выгодное хобби - собирать из выточенных железяк и трубочек всякие дорогие штуки, на которые в то бурное время был растущий спрос. Буржуазные законы он презирал, а моим речам весьма сочувствовал. Естественно, я рассказал ему о митинге. Пожаловался только, что не смог найти анпиловцев. Токарь хитро прищурился и выдал следующее:

- Эх, удивил! Я про этот митинг за две недели знал, но не пошел - перед ментами лишний раз светиться неохота. Сам понимаешь. И тебе хотел рассказать - ты ж этим интересуешься. Но тебя на прошлой неделе че-то не было. Ты это.. Ходи на митинги, мне интересно, что там творится. Я могу узнать, когда следующий будет. Приходи через недельку - дам наколку тебе... Время и место...

Я рот распахнул от удивления. Стою. Молчу. Хлопаю глазами. Токарь с полминуты наслаждался произведенным эффектом, а потом пояснил:

- Живет у нас во дворе один мужик. Ему лет сорок пять, и он с косматыми бакенбардами ходит, как Пушкин. Может, ты его видел даже. Бухает он по-черному, и оборванный ходит, как бомж. Но интересный. Коллекцию канцелярских счетов со всего мира собрал, математикой увлекается, формулы какие-то пишет. Короче, нестандартный мужик. Так он у этих анпиловцев бывает, и к ним на собрания ходит. И когда у них митинг намечается, он меня приглашает всегда. Аж интересно стало. Но стремно ходить - менты. А ты чистый, типа - вот и сходи туда. Я передам, когда это будет. Заходи через недельку.

Ну, зашел. Всю неделю волновался, вдруг не узнаю. Однако Токарь уже получил информацию.

- Короче, митинг будет первого мая, в десять, у Дворца Спорта. Там будут и твои анпиловцы. Будет вам и белка, будет и свисток...

- А как я их узнаю? На них же не написано, что они анпиловцы. К кому мне там обратиться?

- Как? Ну, где Пушкин с бакенбардами - там анпиловцы. А подойти надо к такому... и Токарь назвал мне имя и фамилию их местного лидера.

Это была та самая фамилия, которую я видел на стенде перед выборами 12 июня 1991 года, под замечательной статьей в многотиражке "За боевые темпы".

***

Эх, каким светлым и праздничным был первомай девяносто второго! Не просто митинг. Это был праздник! Как устраивались встарь народные гулянья, с ярмаркой, музыкой, разноцветными шарами, дымящимися шашлычными мангалами - так и было все на площади перед Дворцом Спорта. Сейчас митинги оппозиции позволяют устраивать в каком-то гетто, да со съемкой, да с избиениями, да с проверкой документов - профсоюзные же гулянья на "День весны и труда" делают на центральных площадях. А вот тогда, по старой памяти, и "красный" митинг, и гулянье было в одном и том же месте, в одно и то же время. И даже зам. мэра выступил. Правда, со стандартным поздравлением горожанам. Солнце светило радостно, и под ним трепыхалось море красных знамен. Митингующих было тысяч пять - да еще празднующихся сотни, и от лавочек ярмарки они подходили к ступеням дворца, послушать. Дружинники коммунистов, с красными повязками, охраняли порядок от провокаторов. Хотел было с трибуны выступить представитель "Дем. России" - но люди снизу не дали ему говорить, свистели и улюлюкали. Достаточно было и по телевизору слышать официоз, не для того они сюда пришли. Очень острыми и критическими были выступления, ораторы приводили неудобную статистику, читали революционные стихи, выражали нежелание возвращаться в царские времена. И безбожно идеализировали времена советские. Что тут скрывать. Использовался опять фургончик звукоусиления. Технический, организационный уровень был вообще очень высок тогда.

Но главное даже не это, а настроение людей на залитой солнцем площади. Каждого пришедшего согрело изнутри солнце товарищества, солидарности. Возникло, наперекор всему, ощущение оптимизма - мы вместе, и не все еще потеряно! Мы одолеем реставраторов! Разинув рот, я смотрел на происходящее, аплодировал выступавшим, и хотел уже протиснуться к ступенькам, чтобы безошибочно узнать, кто же лидер местных анпиловцев. Запомнить как он выглядит, если его объявят. И увидел уже, что близ одной из групп на ступеньках мелькал напоминающий Пушкина мужик с бакенбардами, в обносках, с кипой газет в руках. Но пока я стоял и бил в ладоши, меня заметил в толпе кто-то из организаторов митинга, и смекнул, что я не просто прохожий, а сочувствующий. У этого зоркого товарища была в руках уйма свернутых

не означали ни готовности людей бороться за свои права против Ельцина, ни даже готовности прийти на собрание. Из тех, кто злорадствовал, пришли давать подписи процентов десять, а уж силой защищать свое решение не готовы были даже и полпроцента. И власти прекрасно об этом знали, так что нам нашу деятельность разрешали и глядели на нее сквозь пальцы...

Когда кто мне, много позднее, пришли мудрость и печаль - я понял, что была наша затея выпускным клапаном недовольства, типа программы "Куклы", ныне впрочем закрытой самизнаете-кем. Да к тому же еще, как ни грустно это звучит, были подписные листы, вероятно, и материалом для служб того же Ельцина - люди ведь с паспортом приходили, фамилии свои писали, а не всякий против президента решится даже подпись черкнуть. Вот так и отбирают самых недовольных. Не имейте дела с государством, с легальными партиями и любыми списками, где нужны ваши паспортные данные - вот что я советую вам с высоты горького опыта, юные мои радикальные друзья...

Но тогда я искренне верил, что референдум возможен - уж больно много сил тянуло в разные стороны, и не всем Ельцин был угоден. Да и в случае провала - все равно это повод для агитации - люди к нам придут, узнают об оппозиции, ознакомятся с прессой.

Тогда, при соблюдении хоть каких-то гражданских свобод, такие аргументы имели смысл. Сейчас - нет. Маевка в лесу, да еще с передаточным звеном и паролем, как в фильме "Юность Максима", вот сегодня лучший - и единственно оставленный нам! - способ организации встреч. Свобода собраний, да и остального - в России сейчас на уровне кулачных стандартов Плеве и Трепова. А кто персональный виновник такого положения? Все мы знаем эту фамилию из пяти букв.

***

Но вернусь из 2007-го в 1992-ой. Вторым заданием Вожака было - распространение газеты "Народная правда". Сколько месяцев я брал ее для продаж и раздач - не счастье! Формат ее был большой - как у "Российской газеты". Тираж: двести тысяч (!) экземпляров. Выходила она еженедельно. Партийной газетой РКРП она не была, но руководство партии частенько там печаталось, а взамен организовало сеть распространения этой газеты через свои партийные ячейки в регионах.

Теперь - о ее содержании. Газета пыталась сохранить память о революционных традициях, о Великой Отечественной войне. Проводилась острая критика капитализма, как зарубежного, так и восстанавливаемого в России. Были материалы о положении русскоязычного населения на Украине, в Прибалтике, в Приднестровье - а оно было действительно тяжелым. Люди в одночасье превратились в "нежелательных иностранцев", изгоняемых или дискриминируемых. Рассказывалось в газете о пристрастности международных буржуазных институтов, таких как ООН. Авторы пытались найти какие-то положительные черты в традиционных союзниках СССР - Кубе, Северной Корее, Китае. Их идеализировали. Но в тех условиях, на фоне распада нашей страны и экономики - это было слишком понятно. Была там и статья "Ленин и мы", где цитировались слова Виктора Чернова о Ленине: "Достоинство истинного революционера требует воздания своему противнику должного, а не оскорбительных выкриков вдогонку...". Нельзя не согласиться! Соответственно, очернитель Ленина, бывший верноподданный работник ГлавПУРА г-н Волгогонов определялся как предатель и перевертыш. Там цитировалась его книга "Воинская этика", написанная в 1970-х годы в стиле брежневского словоблудия, "бессовестной пустой болтовни". Были предупреждения о том, что ваучерная приватизация - это грабег. Типичные заголовки: "Приватизация со взломом", "Это не реформы - это преступление". Критика приватизации перемежалась со статьями о махинациях конкретных руководителей на конкретных предприятиях. Были поразительные репортажи о бедственном положении в сфере образования, здравоохранении, о развале промышленных объектов, безработице, распаде хозяйственных связей, о появлении тысяч беспризорников и бездомных. Очень много материалов рассказывало и о том, что такое подлинные Советы, как организовать рабочее самоуправление на предприятиях.

Принято считать, что "анпиловцы были за Хасбулатова". Это упрощение. В "Народной правде" присутствовала острейшая критика в адрес Хасбулатова и депутатов его Верховного Совета, критика буржуазного парламентаризма как демократии урезанной, как демократии для богатых. Другое дело, что даже такая демократия лучше президентского самодержавия. Поэтому больше полемических тумачок доставалось Ельцину. Но часто перепало и депутатам. Помню, опубликовано даже меню столовой Белого Дома, с указанием, что разрыв в зарплатах депутатов и

Такой тип замечательно описал Владимир Платоненко: "От трудоросса исходила какая-то внутренняя сила, уверенность в себе. Он во многом ошибался, но именно это делало его сильнее. Как религиозный фанатик спокойно переносит все мученья, веря, что в конце концов его все равно ждет вечное блаженство, так и новый знакомый Трофименко мог ничего не бояться, потому что был уверен: даже если с ним что-то случится, его силы не пропадут даром, даже если он погибнет - он погибнет за хорошее дело... Трудоросс пожал Трофименко руку (рукопожатье у него было таким же крепким, как и память), и ушел бороться за власть рабочих... Трофименко остался... со своей мудростью и со своей печалью".

Это удивительно верно схвачено, такие мужики-рабочие были в "Трудовой России". А я в свои 18 лет, хоть и имел теоретические запросы, и склонен был к абстрактному мышлению, но еще не обладал достаточной "мудростью" и "печалью", так что в эту среду органично вписывался.

Ездил я на собрания, и первоначально только слушал да мотал на отсутствующий ус. Но вот наконец и мне решил Вожак дать первое задание. На собрании он рассказал нам, что пятого мая в министерстве юстиции зарегистрирована была инициативная группа, чтобы собирать подписи за проведение демократического всеобщего референдума. А вопрос на нем был такой: "Поддерживаете ли Вы требование о прекращении полномочий Президента РФ Б.Н. Ельцина?". Предлагаю, дорогой читатель, в 2007 г. мысленно заменить "Б.Н." на "В.В.", да и фамилию тоже - и вот представить себе, что вы идете в МинЮст выносить такой вопросик для референдума. Вынесут вас из МинЮста - вперед ногами. А тогда такой вопрос можно было СТАВИТЬ. Вот этим и отличается буржуазная демократия от буржуазной тирании. Хотя первая постепенно готовила вторую. Как Веймарская республика.

Но вернусь к теме. О том, что проводится такой референдум, надо было оповестить уфимцев, чтобы тот, кто Ельцина не любит - пришел бы и поставил галочку за референдум по снятию Ельцина. Как не оправдавшего надежд. Конечно, не для того мы затевали снять Ельцина, чтобы сделать еще хуже, чем было при нем. И не для того, чтобы к отсутствию социальных гарантий добавить еще и удушение демократических прав граждан, как сделал впоследствии его преемник. Одно тесно связано с другим - когда у людей отбирают хлеб, то ставят над ними, рано или поздно, надсмотрщика с дубиной - чтобы они не роптали. Либеральные диссиденты эту взаимосвязь не видели, и потому все происходящее с октября 1993 по 2007 год - т.е. "победа демократии", а за ней сразу война и "укрепление вертикали" - показалось им каким-то наваждением. Я же понимал, что отобрать у десяти и дать одному у Ельцина не получится без насилия, и рано или поздно он (или его преемник) сползет к диктатуре. А чтобы такого не было - надо изменить курс, отстоять социальные гарантии, прекратить грабёж. И мирно, демократически переизбрать президента, ведущего страну к социальной катастрофе. Гладко было на бумаге, да забыли про "демократичные" танки.

Так вот. Надо оповестить людей о сборе подписей, а у нас не было множительной техники. Единственная пишущая машинка стояла дома у Вожака. И поручили каждому - смешно это сейчас прозвучит, наверное - написать ОТ РУКИ четким почерком по пятьдесят объявлений, и на следующей неделе их принести в ДК УМПО. А если кто хочет - пусть сам ходит и клеит их. С умилением вспоминаю первые мои рукописные листовки. Вернее сказать, объявления. Они были очень тщательно и аккуратно, печатными буквами, написаны поперек на блокнотных листках, продольно разлинованных синими линиями и чуточку пожелтевших. Ведь блокнот, из которого листки были вырваны, у меня долго валялся на подоконнике, под лучами солнца... Потом отправился я в магазин "Школьно-письменные товары", где приобрел флакон силикатного клея, а заодно еще и тетрадки на следующий семестр. Забежал домой, тетрадки оставил, и поехал на остановку Свободы. Не у своего же дома клеить! Жара. Июнь. Асфальт чуть не плавится. Верхушки деревьев не шелхнутся. Ни ветерка... Подходит к подъезду старичок-пенсия. Как не жарко ему в плотной гимнастерке? Неужели правда, что в старости кровь не греет?... - и спрашивает он у меня надтреснутым голосом, в котором усталость и отчаяние:

- Что это ты вешаешь, сынок?

А я и отвечаю:

- Да вот, знаете ли, собирают подписи - Ельцина снимать.

Тут реакция была, конечно, разной. Но поскольку коммерсантов было в Уфе все же меньше, чем бюджетников и пенсионеров, большинство собеседников веселело и говорило: "Туда ему и дорога. Обманул он нас..." Но такие реплики, как и ехидство по случаю референдума,

флагов, он предлагал желающим взять красный флаг и держать его, стоя в толпе. Наткнулся и на меня. Тронул за плечо и сказал: "Эй, парень! Держи флаг, если ты за нас!" Как в фильме про товарища Юровского: "Что значит - ты не при чем? Возьми револьвер - и будешь при чем!" Когда я потянул на себя занозистое красное древко этого флага - моя судьба была решена на много лет вперед. Однако с флагом особенно не побегаешь - можно только вытянуть шею, и глядеть на трибуну издалека. Все же я понял, что одну группировку называют Социалистическая Партия Башкирии, а другую, более радикальную - РКРП. Это и есть анпиловцы. Было объявлено о том, что в День Победы, 9 мая, анпиловцы организуют небольшой митинг - в память погибших на войне. Будет это в девять утра, у ДК Орджоникидзе - опять под моими окнами. Пригласили всех, кто живет в этом районе, принять участие в митинге. В других же районах митинги и возложения цветов будет проводить Соцпартия. После мероприятия мужик, давший мне флаг, подошел ко мне, сказал спасибо, флаг отобрал и положил в багажник фургон Соцпартии. Мне не хотелось общаться с умеренными - я ушел в предвкушении митинга радикалов.

***

Отношение правящего режима к Великой Отечественной войне в те годы еще не устоялось. Многие из тех, кто с 2000 года начал нас учить патриотизму, называли тогда Россию "эта страна". Хвалили генерала Власова, перешедшего на сторону фашистов, и размахивали его трехцветным флагом. Откапывали или выдумывали всякие непристойности о героях войны, и говорили, что их героизм - это всего лишь "коммунистическая мифология".

Мифология же самих реставраторов состояла из двух пунктов: 1) Социализм - это сталинский режим, и другого социализма быть не может. 2) Раз режимы в СССР и Германии были по сути одинаковыми, то это была не война идеологий, а имперская война за территорию.

Вот эти два простеньких и лживых мифа обманули очень многих. С разными знаками оценки, в разной степени - но поддерживали эту ложь и сталинисты, и "демократы", и фашисты (то есть "национал-патриоты"). И даже некоторые из леворадикалов, к стыду нашему, купились на последний тезис, называя войну "второй империалистической".

Я же называл ее Великой Антифашистской. Если бы она была такой, как война 1914 года - т.е. войной двух хищников: России и Германии, войной за имперскую мощь, за рынки сбыта, за прибыли буржуев, за кровавые режимы диктаторов - относился бы к ней также, как и к войнам царской России. То есть резко отрицательно. Но: 1) Строй в СССР нес в себе не только сталинские извращения, но и гуманистические ценности Октябрьской революции, подлинного марксизма - и был поэтому прогрессивней фашизма в тысячу раз; 2) Защита этой коммунистической составляющей играла большую роль в мотивах воевавших. Поэтому возникало уважение и преклонение перед героями этой войны.

И вот начали на площади перед дворцом собираться люди на митинг. Я туда пришел заранее, благо рукой подать. Звукоусилительной машины не было. Из багажника подымавшей вишневого "Лады" выгружали флаги и транспаранты. И вышел из той же машины человек с мегафоном, висающим на шее. Этот *deus ex machina* взшел на ступени ДК Орджоникидзе. И тут я понял - да ведь это же он! Это и есть автор чудесной статьи в "Боевых темпах", вожак таинственных анпиловцев. Вожак в то время был удивительно похож на молодого Олега Табакова. Средней упитанности, но склонный к полноте. Впоследствии кое-кто еще вменил ему в вину "хороший костюм". И действительно, на нем был хороший светло-серый костюм. Но я не понимаю, почему партийный лидер, имея костюм, должен ходить в обносках - кому от этого лучше станет? Так вот, в костюме он и был. И волосы у него тогда еще не поседел. Он родился в 1957 году. В 1983 он окончил Уфимский авиационный институт, служил до 1987 г. офицером в рядах Советской Армии, а затем работал оператором на уфимском нефтеперерабатывающем заводе. Когда я познакомился с этим человеком, ему было 35 лет. Этот энергичный товарищ был избран секретарем парткома за год до запрета КПСС, но в партии уже подымался вопрос об его исключении. За что же? Оказывается, на съездах Движения Коммунистической инициативы он публично называл генсека Горбачева и кандидата в члены политбюро Ельцина предателями коммунистического и рабочего движения.

Впоследствии один рабочий, из первых активистов местной РКРП, рассказывал мне, как в августе 1991 г, когда в райкоме чиновники опечатавали кабинеты, он встретился в пустых коридорах с Вожаким, пришедшим "защищать советскую власть". Поскольку рабочий пришел туда для той же цели, они с Вожаким разговорились. Выяснилось, что в 1990-91 годы Вожак собрал

вокруг себя кружок под названием "За социалистический выбор", и вел политическое просвещение среди членов этого кружка, разоблачая политику Горбачева и Ельцина. В момент нашего знакомства, то есть в мае 1992 г., он работал журналистом общероссийской оппозиционной газеты "Народная правда", но фактически был профессиональным политиком, членом ЦК РКРП. Он, его жена и сын - младшеклассник жили в очень бедно и скромно обставленной однокомнатной квартире, близ ДК УМПО... Стол и шкафы этой квартиры были завалены политической литературой, бланками, деловыми бумагами. Спустя несколько месяцев он завел в своей тесной квартирке бульдога. Эта собака из рызла однажды папку с важными документами, пришедшими из Москвы. Смеясь, лидер РКРП рассказывал нам тогда о четвероногом "прислужнике режима"...

Вожак был, конечно, мыслящим человеком, имел чувство юмора, был хорошим политическим тактиком. Однако, как выяснилось впоследствии, он не был стратегом и марксистским теоретиком. В начале девяностых я к людям относился максималистски. Я считал, что человек может быть либо гением, либо полным нулем, а третьего не дано. Конечно, я заблуждался. Сейчас я прекрасно понимаю: у каждого из нас есть свои способности, свой "потолок", а Вожак был куда лучше многих... Особенно на фоне того времени. Ведь вокруг бушевала вакханалия предательства, партийные чиновники сжигали все, чему раньше поклонялись, и начинали поклоняться тому, что прежде сжигали.

9 мая 1992 года вокруг Вожака теснилась горстка людей, оставшихся верными идее социализма. "Теперь партия отчистилась от карьеристов и случайных людей." - думал я - "Партия перестала быть правящей, стала запрещенной и гонимой - и только теперь в нее и можно вступать! Сейчас выяснится, "кто есть ху". Кто вступал из карьеристских соображений, а кто действительно хотел бороться за социализм. Что же осталось от некогда многотысячной уфимской парторганизации? Да вот эта горстка и осталась."

Тем временем Вожак в мегафон кратко рассказал о том, в каких условиях мы празднуем очередную годовщину Победы. Особенно же остановился на том, что все социальные гарантии, за которые люди проливали кровь на войне, находятся под вопросом и скорее всего будут уничтожены реставраторами. Уничтожены ими и государство, за которое в те годы воевали - Советский Союз. А еще сказал Вожак, что преемственность наших убеждений с идеалами участников войны требует от нас бороться за социализм, иначе нас ждет такая же жалкая судьба, которую нам готовили империалисты в те годы. Со всем этим я был согласен, и все это говорилось в радикальном тоне. Что мне тоже нравилось. Выслушав еще несколько выступлений, в основном - ветеранов, участников войны, мы построились в колонну, идущие впереди взяли венки и развернули красный флаг. Тут же какая-то тетка из районной администрации накинулась на деда с флагом, и стала его из колонны выгонять. Как потом выяснилось, это была бывшая партийная активистка, отвечавшая многие годы за агитационную работу среди молодежи. Без комментариев. Только один совет - ребята, смотрите в лица тех, кто сейчас вам проповедует патриотизм по должности. Изменяется времена - и они первые распотчут все, чему сейчас заставляют нас поклоняться. Я, живший в эпоху больших перемен, знаю эту тайну власть имущих. И потому, наблюдая их стоящими в церкви со свечкой, не могу удержаться не только от злости (это рефлекс, это у меня к ним навечно), но и от кривой улыбки презрения.

Все же базарная баба из администрации отлипла от красноречивого ветерана, и наша колонна без происшествий и провокаций прошла от ДК Орджоникидзе в Парк Победы. Я не лез вперед, но перебрался на реплики с окружающими. Были среди них и люди лет сорока, не только старики. В парке дали мне опять красный флаг, возложили мне венки. Вечного огня и музея боевой славы тогда еще не было, но танк уже стоял на постаменте.

А после возложения цветов я подошел к Вожаку и спросил: "Когда состоится НАШЕ следующее мероприятие?". Вожак мне сказал, чтобы я в будущий вторник, в 18-00, пришел в библиотеку ДК Орджоникидзе.

С этого дня - с девятого мая 1992 года - я исправно посещал все собрания РКРП и выполнял все партийные поручения. И хотя партбилет за престижно - малым номером 000248 выдали мне лишь через год, но отметки о взносах проставили именно с мая 1992 года.

***

О моих убеждениях читатель уже имеет представление. Но надо еще тут разъяснить, на каком общественном фоне я решил примкнуть к анпиловской партии.

обыкновенной бандой преступников и разрушителей, так что даже испугалась до дрожи Съезда нардепов СССР, отключив ему электричество (и этот Съезд прошел при свечах), а принимая соглашения о развале СССР жалась в Беловежской Пуще ближе к польской границе, чтобы вовремя сплечь при первом же шухере - в такое время было возможно все. Неповоротливые региональные элиты мрачно глядели на безумства центральной власти, которая рвала страну на клочки, и эти клочки раздавала вынырнувшим неизвестно откуда временщикам-олигархам. Журналисты в провинции тоже, вслед за чиновниками, думали - на кого же делать ставку, кого завтра вынесет наверх, и не сметет ли завтра Советская Армия своими танками новую, как бы сказать, власть. А тут еще дело осложнялось тем, что жили мы в национальной республике, и не мог же Ельцин в одночасье превратиться из раздатчика суверенитетов в "собираателя исконно-русских земель". Многие союзные гос. учреждения продолжали по инерции работать, существовала солидарность партийных чиновников КПСС - хоть и разделившихся на кланы, но по старой памяти помогавших возрождению новых компартий и комсомолов (и клубов военного обучения при комсомолах!). Были недовольны силовые структуры (по репликам Майора и Комбрига это было особенно ярко видно - но ведь и Баранников не с неба свалился в министры Хасбулатову), ну и так далее... Темный водоворот. И последнее в списке - а по значению первое - очень были возмущены и недовольны массы народа, в том числе и рабочие. Они теряли работу, месяцами не получали зарплату, их сбережения обесценились, обещаниям Ельцина оказалась грош цена, системы здравоохранения и образования начали распадаться. Короче, грозили вилы.

И не желая попасть на эти самые вилы, многие номенклатурные чиновники ставили на десять лошадок одновременно, чтобы при любом раскладе сказать любой новой власти: "А помните, мы ведь вам помогли..." Поэтому наши товарищи, разъезжая по чиновничьим кабинетам, даже весьма высоким, видели очень теплое к себе отношение. Но за этим радушием крылся - страх перед рабочим движением. Особенно ярко это проявилось, когда ездил я по всяким исполкомам в период кампании сбора подписей за Советскую конституцию. Ее проект написал Юрий Слободкин, и за нее собрано было более миллиона подписей. Эта задумка потом погибла под гусеницами ельцинских танков, расстрелявших Верховный Совет - но нам откуда было знать, что все так обернется? Впрочем, я-то догадывался, вычитав из марксистского учебника 1960 года про взаимосвязь экономического базиса и политической надстройки - и про их склонность прилипать к рукам олигархии. Но опять я забегая вперед. Что за привычка такая? Не спеши, а то успеешь!

Центральные московские СМИ, в том числе и "независимые" - были тогда на стороне Ельцина. А местные власти в Башкирии, как я понимаю, умеренно и пассивно поддерживали в 1991 г. ГКЧП, в 1993 г. - Хасбулатова, да и референдум по новой Конституции у нас прокатили. Местные газеты "Советская Башкирия" и "Известия Башкортостана" - тогда вели себя достойно, а не бросались на коммунистов как бешенные собаки. Более того - частенько публиковали они сочувственные материалы. А уж профсоюзному "Действию", как говорится, и карты были в руки при защите интересов наемных работников! Мы это "Действие" в 1993 году меж собой переименовали в "Прямое действие"...

Условия для левых были поначалу благоприятны, а не так сложны, как впоследствии. Ожидалось многими, что ни сегодня - завтра Е.Б.Н. свалится вслед за Горби. Потому Анпилов и обещал красный флаг над Кремлем в ближайшие месяцы. И напугало это многих реставраторов капитализма.

Опасаясь я, что поверхностный читатель выделит из всего этого только слова "зыбкость", "хаос", "в мутной воде" и "темный водоворот" - и решит, будто я желал в "мутной воде" ловить золотую рыбку личной удачи. Это далеко не так. Власть для меня никогда не была ни самоцелью, ни средством обогащения. Это лишь средство изменения мира в желаемом направлении, которое я считал идеальным и полезным для большинства людей. Впрочем, такое вам скажет любой политик, и ваше право - не верить на слово. Но тот, кто внимательно прочел первую часть моей автобиографии, "Детство бунтаря" - имеет представление о моих подлинных мотивах и знает, под влиянием каких обстоятельств они с детства сложились. Да и вообще: журналисты, чиновники, Анпилов, Ельцин и проч. - все это было где-то наверху. А внизу, в ДК УМПО где я сидел, были рядовые члены РКРП и анпиловской "Трудовой России". Большой частью, искренние рабочие люди, желавшие лучшей доли, хотя и не знавшие марксизма. Люди без теоретического мышления, но внутренне цельные.

остальные. Молодых лиц прибавилось. В их числе был крепкий как бык, звонкоголосый и круглолицый мужик. Именно он на митинге 9 мая сделал мне замечание: "Надо тебе заниматься спортом. Настоящий коммунист должен быть не только идейно закаленным, но и физически крепким". Сам же он владел приемами самбо и дзюдо. Оценивая положение в стране, этот мужик особенно негодовал на засилье преступности, рэкета и наркоторговли. Впрочем, это не удивительно - ведь был он майором милиции. Буду называть его Майор. Формально милиция и армия были тогда объявлены "вне политики", но он рисковал и посещал наши собрания, воспринимая все происходящее с августа 1991 года как торжество безнаказанных и распоясавшихся преступников над нормальными людьми. Сидело там же несколько рабочих, в основном с УМПО и Химпрома, в возрасте от 27 до 45 лет. Некоторые из них были одеты в синтетические спортивные костюмы и тренировочные штаны. Классический черный костюм предпочитал высоченный краснолицый Работяга с УМПО, в будущем ставший председателем стачкома этого завода. Рядом сидел и обросший черными бакенбардами Пушкин в трижды латаных отрепях - о нем я раньше уже писал. Был там Профсоюзник из ВЦСПС, лет тридцати семи, с лицом вытянутым и вечно грустным - было в этом лице что-то от побитой собаки.

Добавились впоследствии и другие персонажи - например, молодой герой полковник с мужественным широким лицом, могучим басом и тяжелой квадратной челюстью, которого я назову Комбриг. Он совсем недавно вышел в отставку, но ему еще предстояло сыграть выдающуюся роль в истории нашей организации, да и страны. Однако это случилось позже, в 1993 году. Заходил к нам на огонек и студент-медик с желтым, монголоидного типа, вытянутым лицом и узкими глазами, а с ним - его друг. Им было лет по двадцать. На фоне простых рабочих лиц выделялось "не общим выраженьем" и тонкими чертами смуглое лицо молодого парня. Носил он черные усики, был старше меня. Взгляд его черных глаз был глубок, на лице частенько играла чуть высокомерная усмешка, очевидно вызванная сознанием умственного превосходства над окружающими. И действительно, этот человек получил блестящее столичное образование, хоть и приходилось ему в свое время голодать, живя на мизерную стипендию в чужом крупном городе. Учился он не ради галочки, и отличался, как потом выяснилось, не только пытливым аналитическим умом, но и несгибаемым нравственным ригоризмом. Назову-ка я его Шахматист - играл он в шахматы замечательно. Роль его в будущем была очень высока. Затем начал приходить еще один парень - энергичный черноволосый коротышка, мой ровесник, студент истфака БГУ - назову его Ультра. Почему, выяснится по ходу повествования. Приходили регулярно и несколько стареющих ИТРовцев, в том числе бывший парторг Химпрома, продолжавший там работать на инженерной должности. Назову его Технолог. Этот дядька с добродушным лицом, ноздреватым от химических паров, очень мне помог впоследствии - когда я делал диплом по очистным сооружениям завода. Меня там встретили, благодаря его протекции, как родного, и выделили персонального экскурсовода. Так что я ему благодарен. Остальные завсегда наши собрания были анпиловской железной гвардией - то есть пенсионерами. Дедушки и бабушки, причем бабушек вчетверо меньше.

Стиль выступлений Вожака был своеобразен. Его голос не был командным, как у Комбрига. Нет, это был настоящий голос политика - с целой палитрой обертонов и модуляций, когда надо - вкрадчивый, если необходимо - митинговый, в обычных ситуациях несколько певучий. Любил он две фразы, которыми завершал свои резюме. Первая из них: "Тут идет сложная политическая игра". Вторая, весьма подходящая к реформам Ельцина: "Тут понимать надо, откуда ноги растут". При этих словах вид его делался столь многозначительным, что производил на слушателей неизгладимое впечатление. Помните, у Гоголя: "Простаком прикидывается, а сам в латинской премудрости собаку съел!"

Казалось бы - как могла наша пестрая компания из полсотни человек ("профсоюз темных дел мастеров" - по ехидному выражению одного партийца), рассчитывать на государственную власть? "И смешно, и... позитивно" - ухмыльнулся бы нелюбимый мною ВВП. Но надо чувствовать атмосферу того времени. Основные его черты - призрачность и непрочность. Это относилось ко всему - и к положению государства, и к судьбе отдельного человека. Хаос тем и замечателен, что садясь в поезд, можно попасть и в Кремль, и в Лефортово. Причем с примерно равной вероятностью. Уходило, сопротивляясь, одно двоевластие (общесоюзные структуры против российских), а на смену приходило другое, столь же зыбкое (парламент против президента). В этой мутной воде, когда новоявленная власть новоявленной РФ еще чувствовала себя

В июне 1992 премьер-министром стал Егор Гайдар. В левых кругах его называли "мальчиш Плохиш", в честь отрицательного персонажа из повести его деда Аркадия Гайдара.

Дед за внука не отвечает - Аркадий был героем гражданской войны, талантливым детским писателем. Погиб на фронте, сражаясь против нацизма, за коммунизм. Его замечательную повесть "Лбовщина" я рекомендую сегодня каждому леворадикалу, как настольную книгу.

Вернемся от героического деда к непутевому внуку. Премьером был Егор Гайдар всего лишь по декабрь, но успел за это время натворить много... реформ, и миллионы людей оказались доведены до нищеты. Их сбережения, которые они иногда копили всю жизнь, инфляция одним махом превратила в пыль. Первым шагом Гайдара была либерализация цен, так что цены подпрыгнули до небес. Изъяснялся он на невразумительном жаргоне (возможно, чикагском подобии воровской фени?), и особенно часто повторял волшебные слова "гиперинфляция" и "макроэкономика". Каждое такое закливание сопровождалось новым витком этой самой "гиперинфляции". "Гайдаровками" окрестили тогда в народе новые голубенькие сторублевки. Размера они были маленького - иначе стоили бы дешевле бумаги, на которой их печатали. Я вот думаю: будь иными его реформы - люди не обратили бы внимания ни на его избыточную полноту, ни на противное причмокивание. Но уж слишком он всех допек, и пошла карикатура за карикатурой - конечно, в газетах оппозиции. Заместителем Гайдара стал Геннадий Бурбулис. Над ним тоже постоянно прикалывались, особенно - забегу вперед - в анпиловской "Молнии". Одна статья о первых плодах реформ была в ней даже озаглавлена "Наша жизнь - сплошной цирк". Но смешно это лишь спустя десять лет, а тогда нам было не до смеху. В этот период русский язык обогатился словами "киллер" и "диллер", "менеджмент" и "маркетинг", "брокер" и "ваучер".

Но главным приколом, вернее главной наколкой века, была государственная программа, по которой у нас в стране с 14 августа началась ваучерная приватизация. Для молодых читателей расскажу подробнее. ВАУЧЕР - это такой чек. Считалось, что он стоит десять тысяч. Анатолий Чубайс, отвечавший за приватизацию, обещал, что на этот ваучер каждый гражданин сможет купить два престижных автомобиля "Волга". Это была доля каждого в собственности бывшего СССР. То есть государственную собственность хотели срочно растащить по частным карманам, и повязать в этом все население.

"ВЗЯТЬ ВСЕ, ДА И ПОДЕЛИТЬ!"

- как говаривал булгаковский Шариков, почему-то ругаемый реставраторами капитализма. Ругали они, ругали - и вот воплотили его заветы. Расчет был верен - кто откажется от халявных десяти тысяч? Но была тут одна тонкость. Каждый, кто получил этот ваучер, был обязан до 1994 года вложить его в акции какой-нибудь фирмы. Куда ваучер вкладывать, к кому для этого обращаться - никто не знал.

Сейчас, когда Россия превратилась в источник дешевой нефти и газа для стран Запада - всем очевидно, что умнее всего было купить на ваучер акции какой-нибудь сырьевой компании, например "Газпрома". Но откуда в деревне Катавка представительство "Газпрома", и откуда пьяница дядя Вася узнает, что вкладывать нужно именно туда? Вот на этом массовом невежестве и была построена затея с ваучерами. Естественно, что по глухим поселкам и деревням тут же поехали перекупщики, которые эти ваучеры у людей скупали, обычно по цене бутылки водки, и потом привозили тысячи ваучеров боссам, а уж те знали, куда их вкладывать - и вкладывали как "десятитысячные" бумаги. И проценты на них шли уже соответствующие. Появились такие перекупщики и в крупных городах. Нередко уличная скупка ваучеров сочеталась еще и со спекуляцией ими, так что на груди у спекулянта висела табличка "продам ваучер", а на спине "куплю ваучер". Естественно, покупал он дешево, а продавал дороже.

Для людей, хотя бы чуточку знавших марксистскую политэкономия и закон концентрации капитала, было с самого начала ясно, что все это - жульническая махинация. Но она удалась только потому, что сами люди на нее попались. Надеюсь, теперь вам ясно, почему в то время Анпилов призывал ваучеры не брать, а те анпиловцы, кто их все взял - демонстративно сжигали их мешками на Красной Площади. Это представлялось по телевидению как "идиотизм анпиловцев" - но возможно, это было самой верной реакцией на затею жуликов. Публично сжечь ваучер, протестуя против мошенников, было куда достойней, чем выменять его на бутылку.

Наряду с уличными спекулянтами, появились и обманщики всероссийского масштаба. Возникли финансовые пирамиды - фирмы с красивыми названиями "МММ", "Холер Инвест", "Чара" и "Концерн Тибет". Используя привычку советских граждан доверять государственному

телевидению, жулики круглые сутки крутили рекламу, призывая вкладывать деньги в их компании. "Намеренья как воздух гор чисты - в Тибете сомневаться нет причины!", "Вкладывай в МММ! Я не халявщик - я партнер!" - ну и так далее. Из собранных денег жулики платили первым вкладчикам большие проценты, уверяя что вкладывают деньги в производство и получают прибыль, а потом делятся с вкладчиками, и что в этом суть капитализма - никто не работает, а прибыль все равно идет. Поэтому, дескать, на Западе столь высок уровень жизни. Когда число вкладчиков шло уже на сотни тысяч, выплата денег прекращалась, а почтенные коммерсанты исчезали с деньгами в неизвестном направлении. Кстати, деятельность таких "пирамидок" в Албании привела к революции. У нас, к сожалению, обошлось без нее. А впрочем, еще посмотрим...

Вся эта кампания с "пирамидками" напоминала обман трехлетнего младенца опытным рецидивистом. Однако все на нее попадались. Причина проста: незнание марксизма, презрение к марксизму и очернение марксизма. Ибо человек, действительно знающий марксизм, никогда не попался бы на столь примитивное жульничество. Вот и расплата за проклятия в адрес Ленина, марксизма и революции! За это наказывают рублем.

Но не только рублем... Распались хозяйственные связи, остановились многие предприятия. А что делать работникам, как выжить? "Воровать нельзя, и честно жить тоже нельзя. А ЧТО ЖЕ ТОГДА МОЖНО?" Страну захлестнул вал преступности, как уличной, так и организованной. Пошла вверх кривая наркомании, алкоголизма, социальных болезней. Появились очаги заболеваний, преодоленных при советской власти, таких как тиф и холера. У мусорных баков появились обнищавшие и оборванные люди, в основном пенсионеры, лишившиеся сбережений.

За последние 15 лет это зрелище - люди, роющиеся на помойках - стало для всех привычным и воспринимается многими как норма. Но это вовсе не норма. Это уродство, и в СССР этого уродства не было. Как не было и назойливой рекламы на телевидении - и оно прекрасно без рекламы обходилось. Как не было и противных церквей на каждом углу, а отношения людей были гуманнее. Как не было уличных патрулей с дубинками - а уровень преступности был ниже, чем сегодня. Не было и беспризорных, безработных. Эх, да что говорить... Другой мир возможен!

Но вернемся в июнь 1992-го. Наряду с нищими, появилась и узкая прослойка богатых нуворишей - "новых русских". Их униформой были малиновые клубные пиджаки, золотые цепи на шее. Златая цепь на дубе том. Они имели редкие и дорогие в то время сотовые телефоны, разъезжали на иномарках, ботали по фене (в отличие от премьера, не по чикагской) и обладали крайне низким уровнем интеллектуального и культурного развития. Презирали интеллигенцию, выражая это фразой: "если ты такой умный, почему ты такой бедный!". Официальная пропаганда представляла их solely земли русской. А на окраинах России пылал костер межнациональных войн. Все это можно назвать одним словом - беспредел.

***

И вот чтобы бороться с этим беспределом, с той социальной катастрофой, которая вызвана была реставрацией капитализма в СССР, я и решил вступить в самую радикальную из всех известных мне левых партий - то есть в партию Анпилова.

Я не зря подчеркиваю - из известных мне! Вожди мелких московских левых группок воображают себя гениями, но обычно не учитывают, что их группки никому не известны за пределами Московско-й кольцевой автодороги, а отделений в регионах у них нет. Они считают, что если человек выбрал не их группку, а массовую левую партию с "неправильной" программой и лидерами, то человек этот - предатель, оппортунист, социал-фашист, "красно-коричневый" и т.д. и т.п. Но как дыда Вася из деревни Катавка ничего не знал о "правильных" фирмах для вложения ваучера - так и люди в провинции ничего не знают о "единственно верных" столичных группах (напомню, что Интернета тогда не было). Выбирать можно из того, что есть. А были в провинции две компартии - КПРФ и РКРП. Ну, в крайнем случае где-то была ВКПБ Нины Андреевой. Я не считал себя сталинистом, но не верил и в мягкие решения острых проблем. *Extremis malis - extrema remedia*, как говорили древние римляне, нагло игнорируя ст. 282.1 УК РФ. Так что ВКПБ и КПРФ отпадали сами собой. Оставалась - партия Анпилова. Не будь ее в провинции, многие леворадикалы просто не сумели бы организовать и найти друг друга. Сетью для этого была РКРП. Уже за одно это Анпилову надо сказать спасибо.

Всю неделю я воображал себе, как пройдет мое первое участие в партсобрании. Читальный зал библиотеки был очень тих, его нельзя было назвать просторным. Библиотеку эту редко посещали, и газетные подшивки были пыльными. Люди подтягивались медленно. Основная их масса состояла

из пожилых товарищей, в возрасте от 60 лет и старше. Но была и парочка молодых лиц. Я загрустил по поводу того, что среди молодежи идеи социализма потеряли популярность. Но слишком быстрые выводы делать не следует, как я понял впоследствии... Явился Вожак, всех приветствовал за руку. Особо отметил, что рад моему приходу. Затем уселся за передним столом, и начал, будто школьный учитель, читать нам лекцию. Это была обзорная статья из какой-то газеты, но я ничего подобного раньше не слышал. Теперь я начинал понимать, сколько это грозная сила - пристрастные СМИ. Обо всех негативных явлениях, творящихся у нас в стране, они не сообщали, и прежде я обо всем лишь догадывался - а теперь меня знакомили с фактами, цифрами и датами. Я вынул из кармана блокнот и начал записывать - завел себе такую привычку. Вообще-то, записей почти никто не делал, больше воспринимали на слух. В крайнем случае, люди записывали какие-то поручения, касающиеся лично их - чтобы не забыть выполнить обещанное. А я конспектировал содержание докладов, ибо эта информация для меня была новостью. И хотел я почерпнутые аргументы применить в споре с моими дворовыми знакомыми, читавшими лишь официоз, и потому стоявшими за "рынок". Под конец собрания Вожак отводил в сторону то одного, то другого участника, и что-то шептал им с глазу на глаз. Он раздавал конфиденциальные поручения, для каждого - свое. Впрочем, меня он лишь пригласил на следующее собрание, спросив предвзвешенно мое мнение о происходившем. Я был в восторге! Информационная блокада рухнула, и я вижу оборотную сторону "реформ", слышу их критику, могу сравнивать и думать. Подтверждаются некоторые мои предположения и опасения. И, оказывается, множество людей в стране думает как я. Так я начал ходить регулярно на собрания РКРП, и продолжалось это - годы.

Еще пару раз были у нас собрания по вторникам, но вот приехал Вожак, и сказал что собрания эти переносятся в Калининский район, в ДК УМПО. Конечно, я был недоволен - далековато это от моего дома, придется ехать на автобусе после занятий, а до библиотеки было рукой подать. Но если надо - значит надо. Эти собрания в ДК УМПО проводились уже не по вторникам, а по средам, в полседьмого вечера. Людей прибавилось - теперь нас было уже человек тридцать. Я начал приглядываться к окружающей публике.

Как правило, собрания вел Вожак, и его доклады о положении дел в стране и в левом движении заканчивались всегда кратким резюме, выводами, попытками анализа ситуации. Я учился, глядя на него, как надо вести собрания. Но иногда, в его отсутствие, когда он ездил на какие-нибудь столичные съезды, мероприятие вела крепкая коренастая женщина с завода УМПО, где в июле уволили по сокращению пять тысяч рабочих. Это была светловолосая, широколицая советская матрона. Выражение ее лица было простым и участливым. Мне она, конечно, казалась пожилой - а на самом деле было ей тогда сорок два года. Поначалу она везла на себе, как лошадь, всю бумажную работу - вот и назову ее Савраской. В марксизме и в истории она не разбиралась. Думала даже, будто в первую мировую войну коммунисты "защищали родину", а не выступали за поражение царского правительства. Но она начала работать с 16-и лет, после ПТУ проработала одиннадцать лет на УМПО, в 1982 году поступила на трехгодичную школу мастеров, а с 1985-го работала сменным мастером. Так что жизнь от нее не требовала глубоких исторических знаний, она и не претендовала на это. Савраска аналитических докладов не делала, а выставляла на продажу газеты, собирала взносы и по-матерински заботливо расспрашивала каждого о бытовых проблемах, детях, семье и так далее.

Надо сказать, отношения в партии были тогда теплыми и товарищескими. Разузнав например, у кого и когда день рождения, Вожак организовывал вручение подарков. И пусть подарки эти были символическими - типа носков, например - люди ценили это внимание. Пржнее советское братство постепенно утекало из жизни общества, сменяясь одиночеством в толпе и войной всех против всех, а партийная организация была неким оазисом взаимопомощи в пустыне капитализма. Не было никаких раздоров, грызни, не появились в огромном количестве молодые кандидаты в Наполеоны, как это стало происходить потом, и на одного исполнителя с сошкой не было семерых начальников с ложкой. Наоборот, руководство выглядело единым и дружным, простых исполнителей было в десять раз больше, чем начальников, и эти старые партийные солдаты дисциплинированно выполняли поручения. И в вожди наперебой не лезли. Понимали, что не может жизнеспособный биоценоз состоять из одних только хищников.

По левую руку от ведущего располагался старик Анвар (ныне уже покойный), ответственный за сбор взносов. А вдоль стен расставлены были стулья, и уж на них сидели все